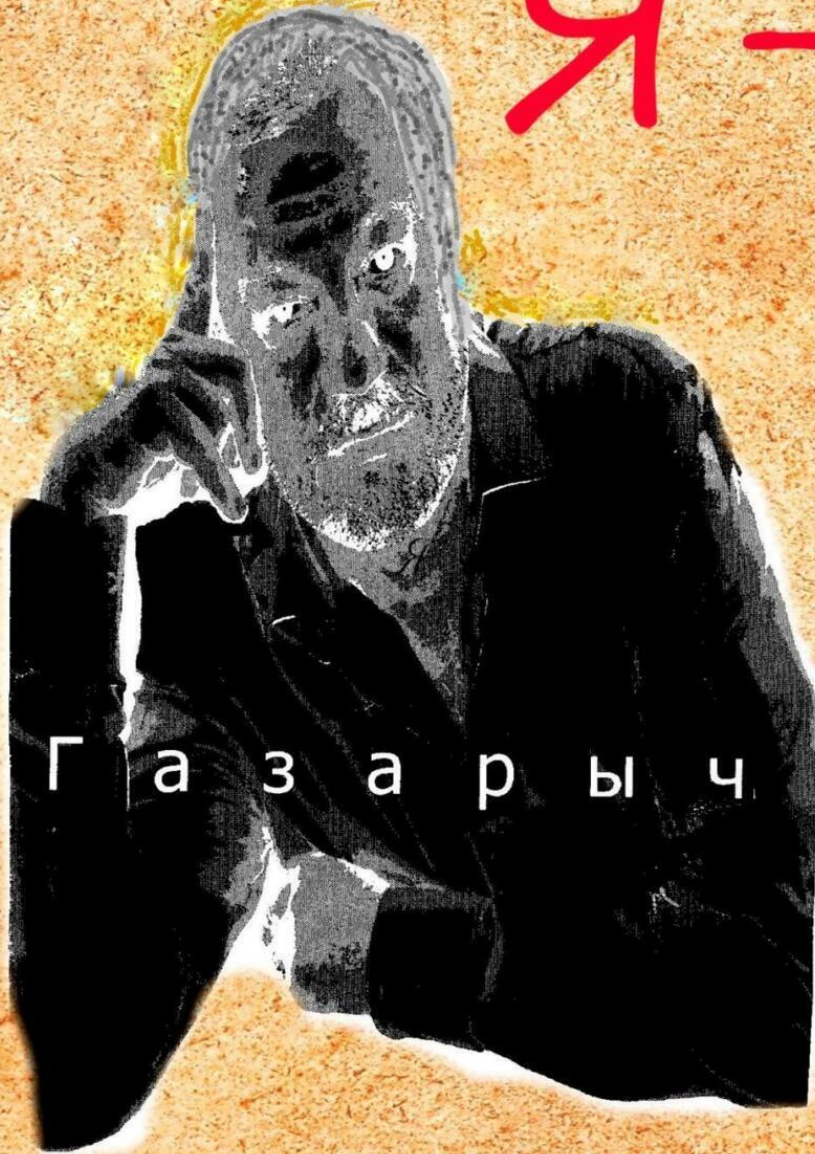


Влад Иванов

Я -



Г а з а р ы ч

Влад Иванов
Я – Газарыч

«Автор»

2024

Иванов В.

Я – Газарыч / В. Иванов — «Автор», 2024

Автобиографическая повесть, основанная на реальных событиях. В семье офицера, в материнских муках, рождается второй сын, который хочет продолжить путь отца. Нужно совсем немного, считает главный герой повести, окончить школу, поступить в военное училище и ... В военной службе у него все получается, а вот в личной жизни нет. Счастье, радость, любовь, борьба, предательство, секс, юмор, путешествия, увлечения, болезнь. Можно ли изменять своим жизненным принципам - главный вопрос героя? Один раз обстоятельства заставили его нарушить один из этих принципов. Меняются эпохи, меняются правила, неизменным остается одно - его убеждение: Сердце – женщине, Долг – Отечеству, Честь – никому!

© Иванов В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Моим родителям посвящается.	5
Время.	6
Женщина.	8
Первая часть.	9
Не повторяется такое никогда...	9
Детство, мое постой...	12
«Дружба, крепкая не сломается»...	15
«Одна девчоночка сижу, негрустная»...	16
«То, что есть во мне достойного людского, то это все благодаря тебе отец...»	17
Но поезд идёт, в окошке стемнело, и тянет поговорить.	20
«Замполиты, политруки, а по-прежнему комиссары».	21
Друг – это третье мое плечо»...	23
Но поезд идёт, в окошке стемнело, и тянет поговорить.	25
«А рыбы в море – завались! Чавыча, кета и сима»...	28
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Влад Иванов

Я – Газарыч

Моим родителям посвящается.

Дорогие друзья! Эта художественно-публицистическая повесть, про меня. Военного пенсионера. Майора в отставке. Коренного жителя древнего города Курска. Отца, деда. Эта книга о моих друзьях-товарищах. Все описанные события основаны на реальных событиях моей жизни. Имена персонажей изменены. Но, прежде всего, это художественное произведение, а не документальные мемуары. Не пытайтесь найти полного сходства, тех или иных событий известных Вам. Эта книга скорее не моя автобиография, а мои размышления, как можно было прожить, те или иные события, в моей жизни по-иному, каких хотелось мне видеть людей, окружавших меня. Я не просто так назвал свои воспоминания «Газарыч», это сокращенно от моего отчества Газарович. Отца моего звали Газар. В переводе с армянского языка – морковь. Может именно поэтому в детстве меня дразнили «Вовка – морковка». Правда большинство друзей отца, знакомых, и даже мама звали, по-русски, Гриша. Первым, меня так назвал, в 22 года, начальник штаба нашей бригады. Я вначале обиделся, посчитал, что он исказил имя моего отца. А он мне сказал, что это от уважения ко мне и предрек, что так меня будут звать многие. И он не ошибся. Несмотря на мой возраст ко мне в жизни чаще обращались именно Газарыч, используя это обращение вместо моего имени. Называют так и сейчас и мне нравится.

Главные герои моей повести: Я (ОН) – Владимир Газарович – офицер войск ПВО. ВРЕМЯ (ОНО) – это то что, с чем мы имеем дело каждый день и характеризуется, как прошлое, настоящее и будущее. Конечно же, ОНА – ее величество – ЖЕНЩИНА.

Итак, начнем.

Время.

День рождения. Юбилей. Новоселье. Встречи. Расставания. Вступление. Транспорт. Ремонт. Покупка автомобиля. Строительство дачи. Санаторий. Дом отдыха. Диплом. Диссертация. Вступление в должность. Рождение детей. Смерть близких. Все эти события, непрерывно связаны со временем. Случается, по жизни так, что порядок меняется хаотично и даже не предсказуемо. Ты планируешь вначале закончить учебу, получить профессию, а потом завести семью и все остальное. Но встретил, полюбил или просто согрешил, далее семья, ребенок и потом как получится.

Я хорошо помню все мои этапы жизни, которые у меня, как и у большинства моих сверстников, по штампу или бы я, сказал под копирку. Была такая специальная копировальная бумага, которую подкладывали под листы бумаги, что бы была возможность не писать или печатать один и тот же текст многократно. Как правило, копировальной бумагой пользовались на предприятиях. Это сейчас, с внедрением персональных компьютеров, один раз напечатал, сохранил и посылай на принтер команду для печати любого количества копий.

1967 год я пошел в первый класс. Это было событие.

Учиться мне всегда нравилось. Только на протяжении всего периода моего обучения, были предметы, которые я не очень любил и соответственно, не всегда много уделял им внимания.

В первом классе я ненавидел чистописание. Специальная тетрадь в косую линейку, ручка с пером, чернильница, которую все называли «невылевайка». Врут, я много раз ее выливал, когда мне не хотелось выводить с нажимом букочки. «Слышно, как скрипит, перышко слегка и ложатся строчки на листок», – так поется в песни. Там есть и продолжение «не повторяется такое никогда», откровенно говоря, и мне не хочется, что бы это повторилось. Я нашел лучшее предназначение перьям для ручки. Ими очень хорошо получалось делать ежика из яблока, делал из половинки яблока с помощью чистого, нового пера от ручки. Втыкаешь в половинку яблока со стороны шкурки и проворачиваешь, вынимаешь получившийся маленький конус и, перевернув, вставляешь в «ежика» и так во всей «спинке».

1971 год 22 апреля. Нас принимают в пионеры. Я ужасно волновался и когда накануне, в классе принимали решение, кого принять или не принять. Отказали только Любе Есауленко. У нее нелегкая судьба была. Двойки по всем предметам были ее единственной оценкой, кроме физкультуры и трудов. А потом волновался, что я не научусь правильным узлом завязывать галстук. В итоге справился.

Май 1974 год. Меня принимают в комсомол. Решением Кировского райкома комсомола города Курска, мне сделали исключение и приняли в комсомол в возрасте 13 лет и 9 месяцев. Согласно, устава ВЛКСМ, разрешалось с 14 лет. Трудно описать, почему я так стремился вступить в комсомол. Я об этом не жалею. Но комсомол мне очень многое дал, для дальнейшего моего развития. Жалею, что эту всю систему идеологического воспитания, разрушили, развалили и «похоронили». Не создав ничего нового. Не задумываясь, взяли, чуждые нам понятия из-за рубежа. Назвали, юное поколение, вместо пионеров, скаутами. А ведь смысл этих понятий совсем разный. «Пионер» это первый. Пионером космоса звали Юрия Гагарина. А, скаут, в переводе означает разведчик. У скаутов тоже есть галстук. Только синего цвета. А пионерский галстук был: «как повяжешь галстук береги его, он ведь с красным знаменем цвета одного». Все даже в том возрасте было мне понятно. Пионерский галстук, частица государственного флага. Сейчас знамена красного цвета у нас называют «знамя Победы». А не могло на Рейхстаге быть знамени другого цвета. Это был государственный флаг СССР.

1981 год окончание школы. Мы идем встречать рассвет на Красную площадь, такая была традиция. С нами не идут родители, нас не охраняет милиция.

Поступление в военное училище, его окончание, а дальше только инвентарная мебель, 2 чемодана с военной формой.

1988 год рождение сына!!! Праздновал это событие 3 дня. Мог и больше командир дал разрешение на три дня.

Важная веха 1994 меня, как и моих сослуживцев сократили. К такому финалу своей службы я был не готов.

1995 год коммерческий директор крупного завода. Заочно учусь в Академии народного хозяйства. Получаю гражданскую специальность.

2002 год после продолжительной болезни, умирает мама. Очень тяжелый удар, перенес с трудом эту утрату. Не пролил ни одной слезинки. Врачи сказали на нервной почве. Последствия могут сказаться.

2004 год сын оканчивает одновременно среднюю школу в Москве и ДЮСШ «Локомотив». Это отдельная история.

2005 год измена и итог развод с женой. Сын остался со мной.

2011 год свадьба сына. Во истину свадьба пела и плясала.

2012 родился мой любимчик – внук.

2017 умирает отец. Снова зимой, как мама. Для меня отец был всем: пример для подражания, эталон честности и порядочности. Болезнь была тяжелой. Мне пришлось бросить работу. В результате у меня появился нервный вокальный тик. К сожалению, врачи оказались правы.

2022 ковид, от которого, я упорно защищался: прививки, маска, чистота рук. Не помогло. «Провоцирует» инсульт. Частично перестают работать с правой стороны рука и нога. Справился, благополучно одолел. Всего за 3 месяца.

Живу. Радуюсь. Работаю. Жизнь продолжается.

Женщина.

Красивая, обаятельная, очаровательная, привлекательная, неотразимая, элегантная, эффектная, восхитительная, неповторимая, единственная, бесценная, обворожительная, соблазнительная, сладкая, свежая, обольстительная, ослепительная, великолепная, неземная, волшебная, сказочная, сексуальная, ранимая, ласковая, желанная... это все о них, о женщинах. Пушкин, Толстой, Чехов, Шекспир, Бальзак, Стендаль, Хемингуэй и многие, многие другие писатели и поэты посвятили огромное количество произведений женщине. Матери, бабушки, дочери, сестры это они нас мужчин, бескорыстно любят, заботятся о нас, переживают за нас. Бывают, конечно, и исключения. Но правил без них не бывает. Недаром, в знаменитой песне группы «Цветы» поется: «... а как без них (женщин) прожить, без них мы никуда, недаром все века их носят на руках и мы опять готовы руки подставлять...»

Первая часть.

Не повторяется такое никогда...

5 часов 50 минут показывали электронные часы, висящие на стене железнодорожного вокзала. Здание вокзала было необычным. Вокзал, помимо своей основной функции, представляет собой музей, посвященный железнодорожникам, участникам битвы на Курской дуге. Здание украшено фигурами рабочих и солдат. В зале ожидания установлена скульптура воина и карта-барельеф "Курская битва".

"Подмигнув", не только мне, а всем, кто мог их видеть, часы показали и температуру воздуха +18. Надо отметить, раньше на здании вокзала весели большие круглые часы, тоже электрические, но выглядели они более солидно. Когда выходя на перрон первой платформы, случайно останавливались пассажиры под этими часами, то могли, не напрягая слуха, услышать, как минутная стрелка отсчитывала ход происходящих событий, которые уже никогда не вернешь. Я имею в виду – ВРЕМЯ. Время идет медленно, когда за ним следишь, оно чувствует слежку. Оно пользуется нашей доверчивостью. Возможно даже, что существует два времени: то, за которым мы следим, и то, которое мы не ожидаем, оно наступает быстро и практически незаметно и поэтому застаёт нас врасплох. И даже те, кто тщательно его планирует, по минутам, суткам, годам не успевают понять, куда это время подевалась. ВРЕМЯ, как и сказанное слово, никогда не вернешь обратно.

К полудню синоптики обещали +36. Для нашего региона, как выражаются синоптики, это была аномально жаркая погода.

– Меня это уже не касается – подумал я.

–Через 26 часов я буду плескаться на море, и валяться на почти белом и по утверждению знающих людей, лечебном песке. Благодаря его свойствам в некоторых санаториях проводят псаммотерапию. Псаммотерапия возможна благодаря уникальным свойствам Анапского песка, содержащего примеси кварца, ракушек и даже золота.

– Пора бы уже и прибытие поезда объявить – не успел подумать я, как из динамиков послышался стандартный голос дикторши – железнодорожницы:

– Скорый поезд №110 Москва – Анапа прибывает на второй путь 3 платформы, нумерация с головы поезда.

Последнее добавление всегда меня раздражало, вспоминая свою молодость, приходилось много раз пользоваться ж/д транспортом, нумерация всегда была от локомотива. Проводники и проводницы не ленились перевешивать таблички с номерами вагонов.

На платформу из тоннеля стали выходить пассажиры. В основном это были женщины с детьми разного возраста, были и пары, семейные или нет, возможности определить на глаз не было. Я ехал на море один. Поскольку уже давно находился в разводе, сын уже имел семью и отдыхал по своему плану, а дамы сердца, с которой, я мог поехать на море, не было. Не в смысле, что все вымерли или вышли замуж. Встречалось много красивых и умных женщин, с некоторыми даже пробовал завязать отношения. Но, не получалось по разным объективным и субъективным причинам. Более подробно я расскажу позже.

Я стоял и гадал, кто будет ехать со мной в купе. Очень не хотелось ехать с маленькими детьми. Не потому, что я их не люблю, я сам дед обожаю своего внука. Просто хотелось, чтобы попался попутчик, который сможет поддержать разговор, в смысле, слегка выпить и закусить, тем более, ехать предстояло больше суток, так что к поездке, я приготовился очень тщательно. С вечера наготовил два вида жареного мяса, отварил уже появившуюся в продаже молодую картошку, тщательно посыпав ее молодым, хорошо мной измельченным, укропчиком. Купил

и помыл свежие овощи. На дне сумке, чемоданы я терпеть не могу, даже на колесиках, лежала водочка, и на всякий случай во фляжке был коньячок.

С маленькими детьми это не только пить, но и предложить своим соседям по купе, я не мог. Это был мой принцип. Теплилась надежда, что женщины и родители, ехавшие с детьми, не все могли себе позволить купить билеты в купейный вагон.

Рядом со мной остановилась женщина, не в пример меня, с большущим чемоданом на колесиках, я мысленно про себя назвал его "мечта оккупанта". За спиной у нее был еще и рюкзачок, через голову на ремешке дамская сумочка.

– Бедняжка, – подумал я. – Неужели она это все тягает сама.

– Нет, – уверенно я сам себе ответил, – этого быть не может, должен подойти ее мужчина. Лица я ее не видел, но фигура была в моем вкусе, рассмотреть ее было совсем несложно, потому, что она ехала в шортах, футболке и на удивление в босоножках на высоком каблуке. Под футболкой у женщины, в отличие от меня, не было видно ни одного килограмма лишнего веса, ноги были стройными и, что было очень важно, внизу к щиколотке заканчивались формой бутылки болгарского коньяка "Plisca", который во времена моей молодости был в почете, горлышком вниз. Каштановые волосы были сплетены в косу, длина которой заканчивалась у талии.

Медленно подъезжая, появился локомотив, за ним вагоны старого и нового образца, на окнах вагона номера. И несмотря, что диктор со стандартным железнодорожным голосом, несколько раз повторила про нумерацию, на платформе началось "броуновское движение".

– Чудаки, – подумал я, поезд стоит 40 минут. На нашей станции меняли не только бригаду локомотива, но и сам локомотив.

– За это время можно ползком с вещами доползти от начала состава к его концу.

У меня был 10 вагон и мое любимое 13 место. 13 – это мое любимое число. В классном журнале в школе и в училище я был тринадцатый по списку, когда играл в гандбол, то мои одноклубники все боролись за футболки с номерами 7, 10, 11. От моего любимого номера все отказывались. А мне 13 число приносило удачу. Я был спокоен, потому, что знал с точностью до 5 метров, где этот вагон остановится. Хотя, надо признать, машинист локомотива, мог очень значительно недотянуть вагон, до ранее расчерченных отметок вагонов, на платформе.

Когда поезд остановился, я увидел, что женщины с "мечтой оккупанта" уже не было рядом со мной. У моего купейного вагона, как я и предполагал, пассажиров было всего 3 человека (пожилого возраста мужчина и женщина и ребенок) и то они буквально меня обогнали на платформе. Видимо думали, что все места закончились или им за обгон дадут приз и премию.

– Эти ко мне в купе, – уверенно предположил я.

– Будут просить мое нижнее место для ребенка. Уступлю, куда я денусь, прощайте мои мечты о тихой спокойной поездке.

Предъявив паспорт и билет проводнице, которая совсем не была похожа на своих коллег с рекламных роликов и буклетов, несмотря на то, что в пути она вместе с поездом была всего 8 часов. И дело не во внешности, фигуре и голливудской улыбке. На ней были помятые форменные: рубашка и юбка. На мою дежурную шутку, про схожесть с фото на паспорте, она, тоже по дежурному, никак не отреагировала, повторила номер моего места и я, поднявшись в вагон, пошел по коридору, отыскивая глазами номер купе. У меня было 4. Дверь в купе была закрыта и поэтому резким движением, я сдвинул дверь вправо и увидел картину, за которую по современным законам надо было поставить 18+. Женщина снимала с себя через голову футболку, видимо хотела переодеться, пока никого не было.

– Извините, сказал я, слегка смутившись, сделал шаг назад, чтобы выйти.

– Ничего страшного, проходите, – это была женщина с «мечтой оккупанта» на платформе. Сказав, быстро одела дорожную футболку, в которой было очень большое и откровен-

ное декольте. И улыбнулась, так как показывают, по телеку улыбку, рекламирующую зубную пасту.

– Меня зовут, Татьяна, – просто и без предисловий назвалась моя попутчица

– Владимир, – коротко ответил я.

Все ее вещи лежали и стояли в проходе купе, отчего было тесно и неудобно.

– Вы мне поможете поднять вещи наверх?

– Охотно.

И взяв первым «мечту оккупанта» я его поднял, но не с лёгкостью, с которой планировал это сделать. С рюкзаком было проще.

– Готово, – доложил я.

– Спасибо, – ответила она.

У меня в душе запели соловьи, скворцы и кенари, при этом все одновременно. Но тут же замолкли, так как в купе зашли не молодого возраста мужчина и женщина, в огромных очках от солнца, как у черепахи в мультике про львенка. Ну, помните такого симпатяжку, который пел: «... я на солнышке сажу...»

– Нам повезло, – сказала женщина в очках, – молодые люди согласятся поменяться местами с нами, безапелляционно заявила она.

– Я не буду ни с кем меняться местами, – тут же мгновенно ответила Татьяна.

– Но Вы же моложе и без труда подниметесь на верхнюю полку – парировала женщина в очках.

– Когда Вы покупали билет, Вы на что рассчитывали? На удачу? Ведь в купе могли ехать такие же по возрасту пассажиры или даже старше, – вежливо, но довольно твердо ответила Татьяна. Дама в очках не стала спорить.

– Побудь тут, я сейчас вернусь – сказала она, даже не выслушав моего ответа, видимо решив, что мы едем вместе и Татьяна ответила за двоих, и вышла.

Поезд, плавно набирая скорость, тронулся дальше. Зашла проводница проверила билеты, выдала белье. Татьяна сразу начала стелиться. Застелив, постель она сразу легла, укрылась простыней с головой. Прошло время, вернулась дама в очках.

– Петя пошли, я договорилась, нас перевели в соседний вагон.

– Бедняга, как ему повезло с такой женой – подумал я. Мужчина собрал все свои вещи и, не попрощавшись, вышел.

Как оказалось, практически до конца нашего маршрута наш вагон так и ехал, не добавив ни одного пассажира.

Я был вынужден тоже лечь. Спать мне не хотелось, я вообще сплю очень мало, а в поездах спать не могу совсем. Посмотрев на верхнюю полку, я вдруг вспомнил, как в детстве так же ехал в купейном вагоне с отцом и матерью в Армению на поезде с красивым названием «Дружба». Забравшись на верхнюю полку, тогда она мной была самая любимая, я с большим удовольствием смотрел в окно купе, потому, что, проживая в военном городке, я кроме леса ничего еще не видел. Детство, юность, курсантские годы, офицерство. Как ВРЕМЯ безжалостно торопиться. Сидя на лавочке, в нашем военном городке, мы занимались жизненной арифметикой. В 2000 году нам будет 40 лет. Как это долго еще. Нам надо еще отучиться в школе 6 лет, потом в институте пять лет, потом долго работать, потом, потом, потом. И...бац!!! Тебе уже 40, у тебя семья, сын, звание, должность, служебное жилье, инвентарная мебель и ты уже подсчитываешь, когда можно будет подавать документы для увольнения на пенсию.

Детство, мое постой...

Может показаться странным. Детства я своего совсем не помню. До пяти лет, сам лично ничего не вспомнить. В памяти осталось то, что рассказывала про мое рождение мама. Рассказы про мой очень ранний возраст от отца и старшего брата различаются, особенно в деталях.

Мои роды, по словам мамы, были тяжелыми. Нас ухитрились заразить какой-то инфекцией. Многие могут удивиться, ведь в СССР была самая лучшая медицина. Я это не пытаюсь оспорить, но наш с мамой случай, может быть, был один из тысячи, из сотни тысяч, но выпал он на нас. В результате нас уже на следующий день перевели в Областную инфекционную больницу им. Н.А. Семашко. Удивительно, но в очень многих городах именно инфекционные больницы носят имя этого, не врача вирусолога, а видного партийного деятеля, по образованию, имеющего диплом врача.

Не буду уточнять подробности, скажу так, второй раз я «родился» благодаря – отцу, который вовремя приехал и сумел убедить при помощи пистолета Макарова, убедить врачей начать наше с мамой лечение. Он был дежурным по части, когда узнал, что я родился. В то время телефон с городским номером был большая редкость. В нашем военном городке, телефон с таким номером был только у командира части и на коммутаторе. С которого дежурная телефонистка и соединяла уже с нужными абонентами, у которых дома были внутренние, положенные по должности служебные телефоны

ТАИ – 43 или ТА-57. Отец, с разрешения командира части, узнав информацию из роддома, на дежурном УАЗике, с утра поехал проведать нас и передать подарки для медперсонала. Узнав, всю информацию он с трудом нас нашел, лежащих на тележке еще в приемном отделении инфекционной больницы и без всякой помощи. Врачи решили, что нас с мамой уже не спасешь. Отец ворвался в ординаторскую, после того, что увидел, вначале, как всегда он делал, очень вежливо и тактично, попросил начать оказывать нам медицинскую помощь. Когда его так же «вежливо» послали, он достал пистолет и выстрелил вверх в потолок. Потом он долго отписывался о не хватающим патроне, я это очень четко представляю, сам служил. В итоге и мама, и я остались живы.

Мы жили в военном городке в так называемых «финских» домиках. Это были сборно-щитовые дома с печным отоплением и с удобствами на улице. Поэтому, раз в неделю, мы ходили в общественную баню в военном городке. Сколько раз мне, впоследствии, приходилось ходить с сыном в общую баню, когда я сам служил в различных точках нашего государства. Вспомнил про баню потому что, очень маленьким я ходил в баню с мамой. Вечером, возвращаясь, из бани к нам подошла большая собака. Я сделал шаг вперед и сказал: «Мама не бойся, она нас не покусает». Вспоминая этот случай уже став отцом, я понимал, что если бы эта собака представляла для нас какую-нибудь опасность, то мама, не задумываясь, даже если собак была целая свора, защитила бы меня.

Очень хорошо помню место, где я провел детство и юность. В военном городке, где я вырос, был свой номер, военный городок – 26, но большинство жителей не только самого городка, но как выяснилось курян, называли военный городок «Халино». Так называлась рядом село. Военный городок сохранился и в наше время. Он по-прежнему называется – военный городок «Халино».

Вокруг нашего городка был лес. Если точнее городок был построен внутри замечательного леса. Говоря по-научному, лес был смешанных пород. А по – простому, в нем росли березы, дубы, осины, канадские клены, сосны и ели, огромное количество кустарников. В лесу, как сейчас в крупных мегаполисах, проводят время в парках культуры и отдыха, мы проводили много своего времени в любое время года. Летом – собирали ягоды, грибы, весной собирали березовый сок. березе Сбор березового сока происходил по специальным «технологиям», как

мы их называли. Кто-то маленьким топориком, делал в виде галочки надрубку на у остроко-
нечной части надрубка, из пластилина делал желоб, по которому потом сок из березы сливался
в баночку. Многие, в том числе и я, коловоротом просверливали дырки, вставляли в отвер-
стие уже заранее заготовленный из дерева желоб, и на этот желоб вешали легкую, как правило,
пол-литровую банку. Когда банка наполнялась, переливали сок или в бидон, или в трехлитро-
вую банку с пластиковой крышкой. После сбора сока в обязательном порядке причиненные
«раны» березкам, тщательно обмазывали землей, для того, чтобы дерево ни заболело. Но я
больше всего любил зиму. В тихий зимний день зайдешь, бывало, в лес на лыжах – дышишь и
не надыхнешься. Глубокие, чистые лежат под деревьями сугробы. Отражаясь в них солнечные
лучи, попадали в глаза, и приходилось щуриться, солнечных очков от солнца у меня тогда не
было. Среди сугробов была проложена нами лыжня до Халинских оврагов. По сторонам от
лыжни над лесными тропинками белыми арками сгибались под тяжестью снега стволы моло-
дых берёз. Тяжёлыми шапками белого снега покрыты тёмно-зелёные ветви молодых сосен.
Иногда от порыва ветра или «посадки» крупной лесной птицы, сорвётся такая белая шапка с
веток сосен, рассыплется серебристой лёгкой пылью. На встречающихся вдоль лыжни, высоких
вершинах, елей ожерельем свисали шишки. Бежишь на лыжах, медленно я ходить на лыжах не
мог, по зимнему тихому лесу и не налюбуйся. И вот он знаменитый, для нас овраг. Длина
склона, по непроверенным данным, было около 300 метров. Поднимался я на него способом
«елочка». У кого было силенок поменьше, поднимались «ступеньками». Это был надежный, но
медленный способ подъема. На вершине, немного передохнув, становился на спуск. Скорость
была приличная, от ветра глаза слезились. Не было тогда не специальных очков в продаже, ни
специальных лыж и палок. Меня хватало, чтобы минимум 3 раза подняться в гору и спуститься.

У наших родителей не возникало мысли не пускать нас в лес. Уверен, сейчас все родители
(в том числе, и я сам) запретили бы своим детям, без взрослых, ходить в лес. А мы, в лесу,
строили шалаши, играли в «индейцев» делали лук из орешника и соревновались в точности
и меткости, ловили ужей, прятали их за рубашку и потом пугали девчонок. Каждый из нас
в лесу ориентировался свободно, как современные дети передвигаются в городе при помощи
навигаторов в телефонах и планшетах. У каждого были свои, личные грибные места. И никто
из нас, зная про них, никогда не покушался на чужой участок.

Особой достопримечательностью в нашем городке была «саженка». Я не знаю, откуда
появилось это название. После войны образовались две воронки после взрыва складов с бое-
припасами. Одна наполнилась водой, некоторые «старшие» утверждали, что уровень воды под-
питывался родничком. В этом пруду водились караси. Я много времени проводил, там с удоч-
кой наловлю штук 10-15 карасиков с мою детскую ладошку, принесу, домой выпущу их в
корыто. Мама приходила с работы видит, мой улов, хвалит. А потом умудрялась незаметно для
меня отпускать их обратно в пруд. Зимой пруд замерзал и на нем мы играли в хоккей. В основ-
ном в валенках, но клюшки, шайбы и баталии были самыми настоящими, иногда доходило и
до драк, как в настоящем профессиональном хоккее. Говоря про хоккей, хочется сказать, что
в него мы играли и летом. Рядом, через дорогу, с «саженкой» была большая ровная поляна.
На ней мы сами устанавливали деревянные ворота, с сеткой, ее роль выполняли кусочки мас-
кировочной сети, которую мы без разрешения обрезали с техники на позициях нашей части.
Клюшки вырезали из кустарников любых растений, вместо шайбы теннисный мяч. Получался
хоккей на траве, тогда мы не знали, что такой вид спорта существует, и в него разыгрываются
чемпионаты.

Вторая воронка была шире и глубже и зимой мы катались с горок на лыжах и санках.
Строили из снега трамплин и соревновались, кто дальше прыгнет. Вспоминаю, зимой снега
выпадало столько, что не только на лыжах можно было кататься, но и строили мы целые
пещеры, еще и с ходами сообщения.

Возле «саженки» мы часто выкапывали сохранившиеся 7.62мм патроны от карабина и 14.5 мм патроны от противотанкового ружья времен Великой Отечественной. Не буду скрывать, мы этим пользовались и хулиганили, разводили костер и бросали туда патроны, спрятавшись за деревья в лесу и ждали... Пока однажды не произошел, трагический случай на патроне подорвался наш ровесник, остался жить, но инвалидом. После этого наши мамы, отцам было некогда, они служили, провели разъяснительную работу с использованием «подручных средств» и мы перестали этим заниматься. А наши отцы организовали извлечение боеприпасов и их уничтожение.

Спустя 30 лет я специально приехал в городок, где провел все свое детство. Его трудно было узнать. Вместо маленьких «финских» домиков были построены 5-ти этажные блочные дома с удобствами. У улиц появились названия. Центральную улицу назвали в честь летчика-аса героя Советского Союза Ачкасова С.В., его памятник стоял и стоит в нашем военном городке. «Саженька» осталась. Ее сильно замусорили, она обмелела, а рыба водилась по – прежнему. А вторую воронку засыпали и там построили дом. К моему удивлению, остался невредим наш домик, к нему пристроили гараж, его покрасили, спилили березу, которая была перед домом и дуб во дворе, все остальное не изменилось.

Нельзя вспомнить детство и не вспомнить друзей, с которыми общался, играл в различные игры, учился в школе, дрался, отстаивая свою правоту, а потом мирился.

Их было очень много. Опережая события, скажу, что с друзьями по жизни мне всегда везло.

Про многих из них я считаю своим долгом рассказать.

«Дружба, крепкая не сломается»...

Он был моим тезкой. Фамилия у него была Макушев. Отсюда и его прозвище, сохранившееся в кругу друзей до сих пор. Для остальных он Владимир Григорьевич, поскольку занимает очень большой пост на работе. Он был большой, сильный и при этом добрый. Его отец, царство ему небесное, был чемпионом ВС СССР по тяжелой атлетике. Его мама – Татьяна Михайловна, была моя первая учительница. Я счастлив, что она еще жива и здорова.

Именно с Вовкой, мы чаще всего ходили в лес за грибами. Дома в городке не закрывались на замки. Сейчас об этом и подумать невозможно. Поэтому мы ходили, друг к другу не в гости, а как к себе домой. Отец у Макуши был старшиной одного из дивизионов. Поэтому он распоряжался всем имуществом. В том числе и спортивным инвентарем. Благодаря его доброте и щедрости, у нас на воротах была настоящая сетка. Для игры в футбол он дал одну пару бутс. По тем временам большой дефицит. Один раз в этих бутсах мне довелось играть.

Наш военный городок условно делился на «новый» и «старый». В «старом» были дома, построенные сразу после войны, сборно-щитового типа, так их называли, и все они находились за основной территорией городка, огороженного забором и для прохода, оборудованного КПП. Именно через него осуществлялся вход на территорию части. Жителей городка, к которым относились, и мы, пацаны и девчонки всех возрастов, проходили без предъявления пропуска. Большинство из нас знало, как сократить дорогу из одного городка в другой. Это был лаз в деревянном заборе, который находился около оборудованной спортивной площадке.

И мы постоянно, в чем – то состязались друг с другом, в том числе и футбол.

И вот однажды настала моя очередь играть в настоящих футбольных бутсах. Обычно я любил играть в воротах или в защите. Разрушать атаки и отбивать мячи, спасая команду, мне нравилось больше. И вот в матче, когда я играл в бутсах в защите, ко мне попал мяч, я стал с ним двигаться в сторону ворот наших соперников. На меня никто не нападал, помня, что я был в бутсах и даже, если случайно попаду в ногу, то было бы, очень больно. Небольшой ветер дул в сторону ворот соперника, добежав до центра поля, я понял, что надо с мячом расставаться, и решил отдать пас вперед. И я, со всей своей ребячьей силы, как выражаются футболисты, не боясь повредить ступню, «пыром» ударил мяч. Он полетел вперед, мяч подхватил порыв ветра, и он приземлился в воротах. Никто этого не ожидал, естественно я тоже. Но это было красиво. По городку долго еще ходили рассказы об этом «чудо-голе».

Мои мама и папа весь день были на работе. Уроки мне приходилось делать самостоятельно. Но если что-то не получалось я приходил к Вовкиной маме, и она мне помогала. Володя, стал тем человеком, который помог мне после увольнения из ВС РФ, начать новую гражданскую жизнь. Он закончил после школы Курский политехнический институт, и долгое время работал на заводе. Доработался до начальника цеха. Когда я уволился, он уже успел заочно закончить финансово-экономический институт и работал уже директором районной страховой компании. Именно по его рекомендации директору я стал работать на заводе. И не токарем или слесарем, а коммерческим директором. Мы до сих пор дружим. Увы, к сожалению, встречаемся не часто, но это современные реалии жизни.

«Одна девчоночка сижу, негрустная»...

Татьяна мирно спала. За окном на небольшой скорости мелькали однообразные картинки кустарников – акации, терна и редких деревьев. Скорость была небольшая, потому что, несмотря на 60 лет, после завершения ее строительства, эта ветка железной дороги продолжала быть не электрифицированной и однопутной. Когда ее строили, она предполагалась, как второстепенная, для доставки отдельных вагонов с грузом в отдаленные райцентры области. После известных событий произошедших на Украине и закрытие систематического железнодорожного движения между Россией и Украиной, эта ветка стала спасательной «соломинкой» для нашего региона, что бы попасть в Крым или Кавказ на поезде.

Количество поездов тоже уменьшилось, основное движение поездов пустили через Воронеж. А нам жителям Курской области приходилось терпеть эти возникшие проблемы и трудности. Ведь ранее все поезда южного направления проходили через Курск. И пусть отстояв очередь, но жители могли купить билет на поезд нужного направления. Признаюсь, в нашей семье такой проблемы не было. Отец после увольнения в запас поступил на работу в отдел кадров ресторана ст. Курск, поэтому проблем с билетами не было не только в нашей семье, но и в семьях друзей родителей, и в семьях наших с братом друзей. Когда отец уволился, с вокзала он меня познакомил со всеми билетными кассирами. Раз я заговорил, об отце настало время рассказать о нем.

«То, что есть во мне достойного людского, то это все благодаря тебе отец...»

Мой отец родился в горном Армянском селе Корнидзор. Село на новом месте существовало, примерно 120-130 лет, затем часть населения переехала в город Межвашагар, а вторая часть жителей переехала в ущелье реки Корнидзор. И на склонах левого и правого берегов речки образовалось село Корнидзор, которое и сейчас находится в Гориском районе, республики Армении. Родился он в роду основателем, которого являлся Тони, в его семье было 11 детей – 8 мальчиков и 3 девочки. Так вот один из мальчиков по имени Микел, женившись, продолжил род, к которому я и принадлежу. После рождения моего сына и внука нашему роду Микаланц уже почти 350 лет. Это одна из старейших династий в Армении. Вы можете спросить меня, почему тогда у меня фамилия другая, а не Микеланц или Микелян. Отвечаю.

До 19 века, в Армении, фамилий, в нашем нынешнем понимании не было. Между тем, само слово "азганун" (фамилия) в переводе означает "имя рода" ("азг" – род, "анун" – имя). В основном фамилии армян происходят от имени авторитетного родового предка, в нашем понимании сегодня – для нас дед. К имени, которого прибавлялись суффиксы, выражающие принадлежность. В древнармянском это был большей частью суффикс «анц». Отсюда и Микеланц.

Вот посмотрите, это мне еще при жизни отца удалось восстановить: мой прапрадедушка Асри Саркисович, прадедушка Карапет Асриеевич Микеланц, мой дедушка Асрян Амбарцум Карапетович, т.е. его фамилия от имени его деда – Асри. У моего отца фамилия от его деда К.....н. У меня и у моего старшего брата, если бы действовала старая армянская традиция, должна быть фамилия – Амбарцумян, у моего сына соответственно Газарян, а у моего внука – Володян. В Армении нет имени Владимир, есть имя Володя. Мой старший двоюродный брат, по паспорту Володя Вазгенович К.....н. Поэтому нет никакого расхождения. Мы все принадлежим к роду Микеланц. После 1932 года фамилия отца по Советским законам переходила к сыну и т.д. Раз я заговорил про фамилию нашу, думаю, что надо рассказать, почему в фамилии отца, появился мягкий знак. Это произошло уже после войны. Отец вступил в члены КПСС и когда ему выписывали партбилет, то ошиблись и после буквы «т», написали «ь». Отец при получении партбилета, указал на эту ошибку, но бланки партбилетов были в буквальном смысле на «вес золота» и начальник политотдела уговорил отца, ничего не менять. Так и пошло по жизни. Я спрашивал у него, а почему он при получении паспорта, когда уволился из армии, не поменял фамилию на правильное правописание. Он объяснил, что тогда пришлось бы менять очень много документов, в том числе и наградные удостоверения. Это было очень «забюрократчено» отец этого не любил. Не люблю и я. Видимо гены.

С самого детства отец, вместе со старшим братом и сестрой помогал, маме по хозяйству ухаживали за скотиной, привозил воду на ишаке и др. Так как его отец, мой дед – Амбарцум, с утра до вечера проводил в горах, он был ветеринарным фельдшером. А весь колхозный скот летом находился на пастбищах в горах. При чем, дедушка никогда не учился на фельдшера. Во время первой мировой войны, он добровольцем поступил на службу в Российскую царскую армию, был на должности денщика ветеринарного врача кавалерийского полка, который привлекал его к лечению лошадей. Все эти знания плюс его врожденный дар, использовать природные травы и растения и сделали его фельдшером, к которому на лечение вели скот со всех ближайших окрестностей. Этот доход был практически единственным, и не всегда оплата проводилась деньгами. Но этого вполне хватало, что бы все были сыты, одеты и обуты.

Отец после школы поступил в педучилище, которое находилось в районном центре Горис. Но началась война. Его призвали в армию. Вначале он обучался на наводчика орудия. Потом его послали в ШМАС, после ее окончания он попал в авиационный полк, которым

командовал трижды Герой Советского Союза легендарный летчик И.Н. Кожедуб. Окончание войны он встретил в Берлине, где вместе с другими оставил надпись на стене Рейхстага.

Но его, и его товарищей ждало новое испытание. Их отправили на Дальний Восток сражаться с войсками империалистической Японии. Три недели потребовалось нашим войскам на то, чтобы сломить сопротивление Квантунской армии. После этого он продолжил службу, а не уволился, как все остальные, тем более имел на это преимущественное право. После окончания войны приказом Совнаркома учителей должны были увольнять в первую очередь. Судьбе было угодно, что бы под командованием И.Кожедуба, отец принимал участие в военных событиях 1950-52 года в Корее.

В итоге отслужив, 30 лет календарной службы, в звании майора, отец уволился в запас и вернулся в г. Курск. Потому, что к его последнему месту службы в Вологду, он уже нас не повез. Вообще Курск, для нашей семьи, невольно получился центром, в котором в разные годы, были члены нашего рода, знаменитого рода в Армении – Микеланц.

Мой дед, как я уже писал ранее, служил в царской армии, получив 3 ранения под Киевом, он оказался в госпитале в Курске. К слову, здание военного госпиталя осталось до сих пор в первоначальном виде. В нем по – прежнему, находится гарнизонный военный госпиталь. В этом госпитале и увидела деда княгиня, жена Губернатора Тульской губернии, и увезла его и еще 9 солдат на лечение в свою Губернию, где все солдаты получили целенаправленное лечение и уход. Благодаря княгине дед остался жив и прожил до 83 лет.

Младший брат дедушки, тоже добровольцем пошел служить в кавалерию царской армии. После событий Октябрьской революции, его рота вместе с командиром перешла в полном составе на сторону большевиков. И потом в составе первой конной армии Буденного освобождал Курск от белогвардейцев.

Старший брат отца – дядя Вазген, во время Великой Отечественной войны, воевал на Курской дуге и под Курском в селе Успенка, получил ранение. После войны отца тоже перевели служить в Курск.

Где он проработал еще 20 лет на вокзале в должности начальника отдела кадров ресторана ст. Курск. После увольнения из ресторана отец продолжал жить активно, работал на своем садовом участке, где выращивал урожай овощей и фруктов. В этом вопросе он тоже стал специалистом, многие приходили к нему и спрашивали у него совета, просили сделать прививки на деревьях. Отец закончил перевод рукописного труда его старшего брата Вазгена, о происхождении нашего рода Микаэланц. Постоянно встречался с молодежью в школах, училищах, в воинских частях. Никогда даже по состоянию здоровья не пропускал мероприятия по возложению цветов и венков к могилам павших героев участников Великой отечественной войны. Он стал инициатором, как обустроить сквер у памятника «Летчикам 16-ой Воздушной Армии», сражавшихся на северном фасаде Курской дуги, под командованием генерал-лейтенанта авиации Руденко. Его установили 8 мая 1975 года. Хорошо помню этот день. На открытие памятника должны были приехать знаменитые летчики, в том числе трижды герой Советского Союза И.Кожедуб, с которым мой отец воевал в Великую Отечественную и Корейскую войну. Естественно должны были быть и другие ответственные лица по линии КПСС. Не успевали заасфальтировать дорогу и площадку перед памятником. Поэтому асфальтирование вели всю ночь и к утру закончили. Когда нас со школы привели на торжественную линейку, асфальт был еще горячий, и даже через обувь стоять было очень тяжело. Подошва обуви очень быстро нагрелась и стала припекать наши ступни. Нам было очень некомфортно, но никто из нас школьников не шелохнулся, очень высокая степень ответственности была. Мы стояли и терпели. В буквальном смысле, не за страх, а за совесть.

Этот памятник в народе любя называют «три шпиля». Памятник был создан в виде трех колон, напоминающих по форме, одновременно штык от «трехлинейки» и реактивный след самолета, устремленного перпендикулярно земле вверх. Отец хотел, чтобы сквер стал насто-

ящим напоминанием потомкам, какие полководцы привели нас к Победе в Великой Отечественной, какие куряне были героями Советского Союза, полными кавалерами орденов Славы, орденосцами и пр. И парк стал бы, настоящим музеем под открытым небом и жителям, и гостям Курска, было бы понятно, почему нашему городу, одному из первых присвоили звание Города воинской славы. Он даже добился приема у Главы города Ольги Германовой, благодаря, которой этот вопрос стал решаться. В апреле 2016 года решением Гор собрания Курска сквер, а не парк, приобрел свое официальное название – Сквер Героев 16-й Воздушной Армии. Теперь жители и гости Курска точно знают, как называется памятный знак, в честь чего установлен, кто его скульпторы и когда он открыт.

3 августа 2016 года, в день 73-ой годовщины победы в Курской битве, администрацией города на площадке перед памятником был устроен праздник, участие в нем принимал и мой отец. Это был его последний праздник. Отец, как и все в нашей семье не доверял современным врачам. Поэтому старался обращаться к ним как можно реже. В конечном итоге он тяжело заболел. У него обнаружили рак печени в самой последней стадии. Спасти его уже было нельзя. Он умер 21 января 2017 года. Похоронили его рядом с мамой.

Но поезд идёт, в окошке стемнело, и тянет поговорить.

Я решил пойти покурить. Я курил трубку. Это отдельная история. Я не курил до 40 лет. Причем даже в военном училище, где все курят или начинают курить. Но работая на заводе, случайно столкнулся с большим любителем и знатоком трубок один раз попробовал, сказал об этом своей бывшей жене, которая терпеть не могла курящих. Но... в итоге, она и подарила мне трубку на 23 февраля. И я начал потихоньку «дымить». Курение трубки это было не просто дурной привычкой или «убийством» времени, это был целый ритуал. Ее надо было правильно набить настоящим трубочным табаком, раскурить и дымить, потихоньку распространяя приятный табачный аромат.

Когда я вышел в тамбур вагона, где было официальное место для курения, то стал отчетливо слышать странный скрежет и «визг» колесных пар вагона. В купе этих звуков слышно не было. Он был настолько противный, что долго курить было невозможно. Я долго рассуждал, что бы это могло быть, в моей отпускной голове не родилось ни одной стоящей версии и на всякий случай об этих странных «мозгодробящих» звуках я решил сообщить проводнице. Вдруг, что-то не так.

Проводница была уже другой. Нет, она не сменила свою измятую форму, это была ее напарница. Услышав от меня подробный рассказ, она заулыбалась улыбкой от «Lacalut».

– Вы впервые по этому маршруту едите? – спросила меня проводница.

– Поэтому, да – ответил я.

– В каждом рейсе, обязательно находится бдительный пассажир, который сообщает об этих звуках – начала свое объяснение проводница.

– Это хорошо или плохо? – спросил я.

– Это ветка дороги проложена в виде дуги, – продолжала проводница, будто не услышав мой вопрос, до ст. Касторная, поэтому состав постоянно едет с разворотом вагонов, отсюда и этот скрежет.

– Мы уже привыкли, и не обращаем внимание на эти звуки – закончила она.

– Благодарю, Вас – теперь я спокоен за свою жизнь.

– Принесите мне, пожалуйста, кофе. И пошел в свое купе.

Моя очаровательная соседка по-прежнему спала. Я посмотрел на часы, в пути мы были уже больше трех часов. Скоро должны были приехать в г. Воронеж. Там меня ждала радостная встреча с моим другом-однокурсником по военному училищу.

Военное училище это одна из самых лучших страниц в моей жизни. Хотя с точки зрения «тяжести и лишения военной службы» было очень трудно.

«Замполиты, политруки, а по-прежнему комиссары».

У меня, как и большинства детей, отцы которых были военнослужащими в разных званиях и должностях, не было сомнений, что после окончания школы я буду поступать в военное училище. И мне кажется, это было не основной причиной. Мы не представляли, что мужчина может иметь другую профессию. «Защищать Родину», как сказал герой любимого мной и тысячами других людей художественного фильма «Офицеры», есть такая профессия. А Родину во все времена защищали воины-мужчины. Я не понимаю сегодняшнего поколения, так называемых «будущих защитников», которые ищут любого предлога, чтобы уклониться от службы в Армии. Зато в День СА и ВМФ или как сейчас называют «день защитника Отечества» получают без зазрения совести подарки и напиваются, как свиньи, гордо утверждая, что имеют на это право, как будущие защитники. А потом, вместе со своими мамами и реже с папами, начинают искать возможность «откосить» от службы в Армии под любым предлогом. Когда я общался со многими родителями, которые свое чадо не хотели видеть защитниками Родины, в качестве уважительной причины они называли: первое, упущенное время «мальчик там ничему не научится хорошему, а только пить водку (можно подумать на гражданке он этому не будет учиться).

Второе, в армии процветает «дедовщина». Невольно я всегда спрашивал, а что такое «дедовщина» в их понимании. Большинство отвечало однообразно. Там бьют и отбирают деньги. Кроме улыбки и одновременно возмущения, я ничего не испытывал. Я прослужил в Армии 20 лет. Я прошел все низовые должности. Я никогда не служил в штабах. У меня всегда были в подчинении люди. От рядовых до офицеров, от 100 и более человек. Меня возмущало, что выражение «дедовщина» использовали и гражданские, и даже военные руководители. Еще был синоним определению «дедовщина» – неуставные взаимоотношения. Хотелось бы коротко пояснить. Неуставные взаимоотношения, это когда один военнослужащий поступил не по уставу. Например, по Уставу все военнослужащие обязаны отдавать воинскую честь. Скажу откровенно, это бывает очень редко. Как правило, рядовой солдат офицеру. Или офицер – очень старшему офицеру. Рядовой – рядовому никогда в мою бытность, воинскую честь не отдавал. Но это всего лишь дисциплинарный проступок, за который можно было рядовому получить выговор или наряд вне очереди.

«Дедовщина». Откуда произошло это понятие? Еще со времен царской армии, когда царю-батюшке служили 20 лет. В армии были и сорокалетние ветераны, уже повоевавшие, имеющие ранения и не слишком здоровые. Были и новобранцы – деревенские парни от мамки. Естественно, они не могли иметь равного статуса. К каждому ветерану прикрепляли новобранца, которого он обучал в меру своего понимания этого процесса. А новобранец должен был исполнять роль прислуги при ветеране. Носить за него в походе тяжёлые вещи, чистить оружие, узнавать приемы боя. Правда, ветеран назывался не дедом, а дядей. И этот статус его был совершенно официальным и поддерживался офицерами. Офицеры видели в нём основу порядка в армии. Все помнят хрестоматийное стихотворение: «Скажи-ка дядя, ведь недаром, Москва, спалённая пожаром, французу отдана?» Современники М.Ю. Лермонтова понимали, что это не племянник спрашивает у дяди, а молодой солдат у старого «дядьки». Учит его опытный солдат. Так было и в мою бытность. Естественно весь этот процесс держался под строгим контролем нас офицеров, чтобы некоторые нерадивые «деды», так называли солдат, которые готовились к увольнению, не могли применить физическую силу.

Когда группу солдат били, отбирали деньги и сигареты у более молодых солдат, а такие случаи в армии были, увы, к сожалению, то это называется общим понятием, как на гражданке – хулиганство, разбой. Так этих случаев незаконного отъема денег на гражданке больше в 10 и 100 раз.

Не понимаю, почему 23 февраля наши законодатели сделали – «красным» днем календаря. А народ сделал сугубо профессиональный праздник, такой же, как день милиции или день шахтера, «днем мужчин». В Армии всегда служило много военнослужащих женщин, почему вдруг им не дают возможность отмечать свой профессиональный праздник, наряду с мужчинами.

У меня не было сомнений, в какое училище поступать. Два аргумента были для меня стопроцентными. Первый, город должен быть – Ленинград. Вторым, в военное училище не нужно было сдавать физику. Я по физике имел твердую четверку, но у меня склад ума больше имеет гуманитарную направленность. И третий, дополнительный аргумент, не очевидный, но об этом мы тоже думали не без помощи, наших родителей. После окончания училища и службы в ВС СССР, можно было без труда найти работу в государственных структурах. Тогда никто не мог и представить, что Советский Союз скоро развалится. А наша профессия будет носить нарицательный характер. В результате мой выбор пал на Ленинградское Высшее военное политическое училище ПВО.

Прекрасно помню, как отец меня и моего товарища посадил в поезд, при отсутствии всяких билетов. Он взял билет на поезд без места и договорился с проводницей, что бы мы ехали на третьей полке плацкарта. Да, именно там, где хранились матрасы. Еще в поезде мы с товарищем решили, что сразу в училище не поедем, немножко прогуляемся по Ленинграду. Моей мечте не суждено было сбыться. Отец дозвонился до друзей нашей семьи и меня встретили на Московском вокзале. И сопроводили сразу в училище. Позже поступив в училище, мне очень пригодилось это знакомство. Я оставлял у них свою гражданскую одежду, чтобы, приезжая в увольнение в Ленинград, переодеться и спокойно гулять по городу, не боясь военного патруля. А патруля в Ленинграде хватало. Особенно по отношению к нам, лютовал патруль из моряков. Любая встреча с ним в военной форме грозила прекращением увольнения под любым предлогом. Такое же отношение было у «сухопутного» патруля к курсантам военно-морских училищ.

Желающих поступить в училище было предостаточно. Плохой особенностью для нас абитуриентов, поступающих после школы, стало известие, что 60 процентов принятых должны были составить военнослужащие, которые уже прослужили срочную службу. Их задача была значительно проще, чем у нас. Достаточно было получить все тройки и они – приняты. А у нас конкурс до последнего экзамена был – пять человек на место. И необходимо было набрать не менее 18 баллов и у аттестата должен быть средний бал – 4.5. Благополучно набрав нужное количество баллов мне сообщили, что я не прошел по конкурсу. О том, как все – таки я оказался в училище я напишу чуть позже.

Друг – это третье мое плечо»...

Если бы в училище мне кто ни будь, сказал, что Василий Оношко станет моим приятелем после увольнения, в запас, спустя 20 лет, я бы просто посмеялся. Нет, Василий был в училище классный парень, в наш ВУЗ, он поступил после окончания Суворовского училища. На мой взгляд, он был в равных отношениях со всеми. Но, он учился в первом взводе, а я во втором. Из этого и складывались отношения между нами. Да, и в принципе дружить со всеми не было физической возможности. Основные товарищеские связи складывались внутри учебной группы. Именно в группе мы проходили все испытания: учебные (семинары, практические занятия), хозяйственные – уборка территории, чистка картофеля и наведение порядка внутри казармы в ПХД (парко-хозяйственный день), проводимый каждую субботу после учебных занятий. И от отношений внутри группы зависело очень многое для решения поставленных задач. Но бывали случаи, когда товарищеские отношения складывались и вне учебной группы по интересам. Интересы были разные. Скажу, откровенно некоторые из них я не одобрял тогда и не одобряю до сих пор. Эти интересы были связаны с употреблением спиртных напитков. Причем у некоторых моих товарищей по учебе это доходило до абсурда. Они ходили в увольнение только лишь для того, чтобы напиться до поросычьего состояния. К счастью таких было мало. Одного такого «индивида» с нашей группы за систематическое употребление отчислили с третьего курса. Были интересы, связанные с посещением театров, музеев и других достопримечательностей, которых в Ленинграде было с избытком. Но, повторюсь, в основном отношения складывались внутри учебных групп. Я с самого первого курса дружил с Толиком Травкиным. О нашей дружбе я расскажу очень подробно потом.

Вася боевой офицер, полковник, орден и медалей у него не меньше, чем у моего бати – участника Великой Отечественной. Василий воевал в первую чеченскую и во время боевых действий по освобождению Южной Осетии.

Когда мы с ним, спустя 30 лет встретились в Питере на встрече, подготовленной специально по случаю юбилея нашего выпуска, я его не узнал. Он стал лысоватым, чуток имелся лишний вес. После увольнения в запас, остался Вася жить в своем родном городе Воронеже. Это стало решающим фактором развитию и укреплению наших отношений.

Воронеж находится на расстоянии чуть больше 200 км от Курска. Я был в Воронеже по делам много раз, но это были окраины со складами, базами и др. Поэтому созвонившись с Василием, я приехал к нему в гости на день города. Оказалось, что у Василия не сложилась личная жизнь. Пока он воевал, его жены находили ему замену, мягко говоря. После первого брака у него остался сын, который живет и работает где-то в Испании. В момент моего приезда у него завязались новые отношения. Будущую жену звали Ирина. Замечательная, простая, веселая женщина.

Итак, я приехал на день города в Воронеж, Василий встретил меня на ж/д вокзале, план культурных мероприятий на правах принимающей стороны, составил он сам. Не вникая в подробности, но Вася сумел показать все самое интересное, сопровождая свой показ подробным рассказом, не хуже профессионального экскурсовода. Этим он меня ввел в полный восторг.

Позже я приезжал в Воронеж к Василию, чтобы сходить в их театры. Мы вместе смотрели замечательную и бессмертную оперетту «Летучая мышь», в театре оперы и балета. Постановка была восхитительная. Но я невольно ловил себя на мысли, что все время сравниваю увиденное с телевизионной версией, в которой главные роли исполняли братья Соломины. И естественно, несравненная Максакова, в роли Розалинды. Еще довелось посмотреть балет «Лебединое озеро». После культурной программы была и обязательная программа. Мы ужинали или обедали в небольшом, но уютном кафе около железнодорожного вокзала – «Уют». Это

кафе привлекало нас замечательным соотношением цены и качества. В нашем единственном Курском драматическом театре я видел все спектакли. И вот теперь я, выезжая в Анапу, предупредил Василя, что буду проезжать через его замечательный город – неофициальную столицу Черноземья. Поезд в Воронеже стоял 40 минут.

Но поезд идёт, в окошке стемнело, и тянет поговорить.

Моя попутчица по купе стала просыпаться. Делала она это своеобразно. Вначале она подняла вверх и развела в сторону руки, потом по очереди открыла свои прекрасные глаза, медленно повернула голову в мою сторону, улыбнулась.

– Где мы уже? – спросила Татьяна меня, так, как будто мы с ней были знакомы много лет.

– Подъезжаем к Воронежу – спокойно ответил я.

– К Воронежу??? – переспросила Татьяна, и резко скинув с себя простынку села на полку при этом на ней был только один бюстгальтер, видимо пока я выходил курить, футболку она, по какой-то причине сняла. При этом она нисколько этого не смутилась.

Зато смутился, не знаю, почему-то я. Ведь ханжой я никогда не был.

– Вы бы одели футболку ко мне в Воронеж в купе товарищ придет, – вежливо предупредил я Татьяну.

– Вам не нравится мое белье? – с явным кокетством спросила меня Татьяна.

Я уже пришел в себя и спокойно ответил:

– Мне больше нравится без белья – с улыбкой ответил я.

– Так я могу снять и ее руки потянулись за спину, но в этот момент поезд уже медленно двигался по платформе ст. Воронеж-1. Татьяна быстро сняла свою футболку с сетчатой полочки и одела ее. Но лукавые ее глаза искрились, и молча говорили жаль, что я не успела этого сделать.

В окно своего купе я увидел на платформе Васю. У выхода из вагона уже скопилось человек 8, кто-то выходил, доехав до своей станции, кто-то хотел пополнить свои запасы провианта, кто-то просто размять ноги от шестичасового переезда и конечно перекурить.

Дождавшись своей очереди на выход, я спустился на платформу, и мы крепко, и долго обнялись с Васей. Я пригласил его к себе в купе. Зайдя в купе, я сильно удивился на столе лежали бутерброды с колбасой и сыром, котлеты, нарезанные овощи, бутылка с минеральной водой.

– Татьяна, обратился я к своей попутчице, – Вы бы не могли чуток подвинуться нам с другом за встречу надо капельку выпить и закусить. Мы с ним не виделись уже полгода.

– Так зачем двигаться, я для Вас и подготовила «поляну». Пейте, и она достала из-под стола бутылку коньяка, закусывайте, котлеты я сама делала, а я пойду, погуляю. Не буду Вам мешать. Встала и пошла к выходу.

– Ой! Забыла про лимон. Полезла в свой рюкзак, который с полки оказался рядом с ней, и достала лимон ярко канареечного цвета.

– Сами порежете, – улыбаясь, сказала Татьяна и окончательно вышла.

Я посмотрел, на Василия он был в шоке и ступоре, застыл в недоумении, как памятник. Я тоже был в шоке, но видимо предыдущие события в купе меня уже приучили к неожиданностям.

– Это твоя женщина? – спросил с удивлением Вася, зная, что я уже давно в разводе.

– Нет. Я сам удивлен. Едем вместе из Курска.

– Не брешь, хочешь меня разыграть?

– Вася, клянусь, я сам в недоумении. Она проспала до самого Воронежа. Я ее предупредил, что ко мне товарищ придет в купе.

– Давай выпьем, – перешел к конкретным действиям я. Я ей потом все компенсирую. У меня еды хватит на всех.

И взял бутылку коньяка. Это был трехзвездочный коньяк «Московский». Отвинтил крышку и налил в стоящие на столе пластиковые стаканы.

– За встречу, дружище – сказал я короткий тост, и мы выпили не закусывая. Дальше пошел разговор ни о чем и обо всем, периодически выпивая коньяк и закусывая бутербродами: Вася с сыром, я с колбасой. Больше ни к чему мы не прикасались. Проводница в мятой форме стала кричать: «Провожающие просьба освободить вагон, поезд через пять минут отправляется!»

Я пошел провожать Васю. В проходе вагона стояла Татьяна, вежливо давая нам с Васей договорить и допить.

– До свидания – повернувшись в сторону, Татьяны сказал Вася. – Счастливой дороги. Володю не обижайте!

– Пока – как старому приятелю ответила Татьяна.

Стоя на платформе, Василий, улыбнувшись, прошептал мне на ухо: «Не переусердствуй, ты нам живой нужен». И мы, снова обнявшись, простились.

Я поднялся в вагон и пошел в свое купе. Татьяна наводила порядок на столе, убрала использованные стаканы, и смятые нами салфетки.

– Вы ничего не ели – даже котлеты не попробовали, я весь вечер их жарила, обиженным и серьезным тоном, сказала Татьяна.

– Обязуюсь их все съесть до конечного пункта, ответил я. – Просто Вася был не голоден, а я надеялся, что Вы меня, их не лишите. Путь у нас еще длинный.

– Ловлю Вас на слове – сказала, Татьяна и у нее в руке появился «сэндвич» на кусочке хлеба лежала котлета и рука Татьяны не передала его мне, а своей рукой поднесла к моему рту.

– Кусай – игриво сказала Татьяна.

– Мы уже на «ты»? – спросил я

– А ты, возражаешь? И Татьяна протянула мне пластиковый стаканчик с коньком, а потом взяла в свободную руку стакан с коньяком для себя.

– На брудершафт? – предложила Таня.

– Давайте, по привычке, еще на «вы» – ответил я.

Мы скрестили руки и практически синхронно начали пить коньяк. Я выпил залпом и ждал Таню. Она, как будто, специально оттягивала процесс, который наступает после выпивания напитка.

Наконец, она оторвалась от стаканчика, и я как обычно в этих случаях, потянулся в сторону ее щеки, вытянув свои губы, но Татьяна, свободной рукой очень быстро взяла меня за затылок и притянула к себе. Я не успел опомниться, как ее язык смело и бесцеремонно проник в мой рот, и, поддавшись ее напору, я отдался во власть искушения, абсолютно не сопротивляясь, получая наслаждение, понимая, что это не последний поцелуй во время пути. Наш поцелуй продлился секунд 10. Разомкнув, губы я хотел повторить поцелуй.

– Для брудершафта достаточно, игриво смотря мне в глаза, ласково проворковала Таня.

– Давай покушаем, я проголодалась очень. Наливай. И она протянула свой стаканчик.

Я ради прикола налил полстакана коньяка, надеясь услышать возражения со стороны Татьяны, но возражений не было.

– За что, пьем? – улыбаясь, спросила Таня.

– За тебя? – сходу ответил я.

– Нет. За меня еще рано.

– Тогда за знакомство – предложил я.

– Согласна, пьем до дна – отреагировала Таня.

И она, взяв, свой стаканчик маленькими глотками стала пить коньяк и выпила все до дна. Я был удивлен в очередной раз. Татьяна взяла тоненький ломтик лимона слегка его откусила.

– Закусывай котлетами, ты обещал.

Я с удовольствием откусил котлету, давно уже не ел домашней пищи, а котлета реально была очень вкусная. Потом взял вторую и очень быстро ее прикончил. Неожиданно вспомнил,

что я тоже наготовил еду, полез в свою сумку и достал мясо, а также бутылку с водкой. Встретил удивленный взгляд Татьяны.

– Я не люблю мясом закусывать коньяк. Его смаковать надо.

Не буду подробно описывать всю процедуру нашей трапезы. Мы выпивали, закусывали и разговаривали. Наступил момент, мне захотелось покурить трубку. Я достал трубку стал набивать ее табаком. Татьяна смотрела с восхищением и некоторым удивлением.

– Дашь попробовать? – спросила она.

– Попробовать что?

– Трубку покурить.

– А ты куришь? – уточнил я.

– Нет.

– А зачем тебе?

– Захотелось попробовать. Тебе что жалко?

Я никогда даже своим друзьям не давал трубку. Считаю трубка – это, так же, как и зубная щетка. А зубную щетку мы не передаем друг другу. Я не мог решить, что делать. Мгновенно Татьяна встала, со своей полки под села ко мне и прильнула к моим губам. Я даже не успел опомниться, а Татьяна уже сидела на своем месте.

– Это тебе моральная компенсация. Пойдем курить твою трубку. Мы пошли в тамбур. Я раскурил трубку и дал ее попробовать Тане, то, как она ее взяла, как затянулась, и как она выдохнула дым, у меня появилось сомнение, что она это делает в первый раз. И вообще все, что делала Таня, она делала спокойно, красиво, элегантно, как и она сама. Я вспомнил, что в моей жизни подобное уже было. Была уже женщина, которая могла все делать красиво и элегантно. Это было, когда я служил на Курильских островах.

«А рыбы в море – завались! Чавыча, кета и сима»...

Попасть служить в регионы СССР, где срок службы приравнялся, как говорили в народе «год за два и рубль за два» было очень проблематично, нужен был «блат». Я попал случайно. Хотя звучит это не правдоподобно. На нашу часть прислали разнарядку, такое тоже случилось, что нужен офицер, прослуживший не более 3 лет на одной должности. Таких кандидатов, в нашей части, оказалось всего двое. Я и мой однокурсник Юра Думби. Мы с ним не раз встречались на протяжении всей моей службы. Юра еще в училище женился и у него родился маленький ребенок, естественно, которому климат Дальнего востока, был противопоказан. Вот и послали меня на Курилы, а второго кандидата нашли в другой части.

Сами понимаете, в 1983 году никакой речи об интернете быть не могло. Даже слова такого мы не знали. Поэтому источником информации о Курильских островах для меня стала БСЭ (большая советская энциклопедия). Подписку на это уникальное издание тех лет, отец получил в награду, за систематически, большое количество подписчиков на своем предприятии. Эта была удивительная пора. Дефицит информации, новых книжных изданий, отсутствия, как такового, массового телевидения, разнообразных видов развлечений, вынуждало людей подписываться на различные газеты и журналы. Часто этот процесс, особенно в армии, превращался в принцип «добровольно-принудительный». БСЭ, вроде современной википедии, только в очень твердом переплете и на большом количестве очень тонкой бумаги. Каждый том был на одну максимум две буквы алфавита. Всего было 35 томов.

Узнал про климат, про природу, естественно площадь, обратил внимание на то, что на моем острове, где мне предстояло служить, находился действующий вулкан с величественным названием «Иван Грозный». Опережая события, признаюсь: постоянно дымящий кратер вулкана я видел из окна своей квартиры.

Мне предстоял путь на другой конец Советского Союза. Восемь часовых поясов. Добираться мне пришлось на поезде, самолетах, теплоходе и на вездеходе марки ЗИЛ-157. И всюду меня сопровождал мой скарб: два чемодана с военной формой. Парадная и повседневная шинель, парадная и полевая форма одежда, сапоги, ремни, сумки. Каждый чемодан весил по 20 кг.

Это был этап моей жизни, когда я многое узнал, увидел, попробовал, почувствовал первый раз в своей жизни. И поскольку это был еще и один из самых замечательных периодов моей жизни я расскажу про него более подробно.

Благополучно добравшись до аэропорта «Домодедово», я с двумя неподъемными чемоданами зарегистрировался. Написал и задумался, что мысль сформулировал неточно. Неподъемные они были бы для меня сейчас. А тогда, для меня было бы, равнозначно пронести 2 двухпудовые гири, которые я в училище поднимал легко и непринужденно. Еще 2 ящика со всяким «нужным» барахлом, были заранее отправлены почтой – багажом. Ко времени своего отъезда я уже был женат. И прочитав, информацию о Курилах в БСЭ, на семейном совете решили: я должен был поехать туда один. Но вещи в багаже, на 60% были жены на всякий случай, а вдруг.

Итак, проведя все необходимые процедуры, я оказался на борту, по моему мнению, лучшего лайнера всех времен и народов ИЛ-62. И это было первый раз в моей жизни. К моему удивлению на борту самолета было всего 16 пассажиров, из 168 которые могли бы улететь. Позже стюардесса мне объяснила, что в Хабаровске, ждет толпа пассажиров, желающих улететь в сторону «большой земли», так все называли Москву с ее вокзалами и аэропортами. Поэтому полетели бы, если бы был хотя бы один пассажир. Вот так было реально и никакой логистики, никаких разговоров выгодно или невыгодно. Было одно понимание – надо.

Набрав необходимую высоту и взяв нужный курс ИЛ-62 с замечательным экипажем стремительно со скоростью 850 км/час, приближал меня к новой странице моей жизни. Я посмотрел

рел, в иллюминатор мне открылась однообразная, но в тоже время прекрасная картина синевы, от которой в глазах возникала резь. Эта та синева, которую мы, находясь на земле, называем – небо. Первые ассоциации, которые возникают при слове небо – это бесконечность, покой, безмятежность. Небо всегда манило к себе, оно воспринималось как символ вечной жизни. С глубокой древности, люди поднимали руки к небесам и просили помощи и благополучия. В наше время, когда люди рассуждают о тихой, спокойной жизни, в своих пожеланиях к родным и близким, желают чистого и мирного неба над головой. Именно это небо на огромном пространстве от Калининграда до Чукотки и предстояло надежно охранять мне и всем моим товарищам, и коллегам по службе. Иногда, как в военное время сбивать не мишени на полигоне, а реальные воздушные цели. Об этом я расскажу потом. И я в первый раз подумал, как многообразна вселенная, как хорошо, что на многие сотни световых лет, наша планета земля одна и ей никто не угрожает. Как я тогда ошибался.

Сервис в самолете меня поразил. Безупречно одетые стюардессы, одного роста, с постоянной улыбкой, не сходящей с их лиц, выполняли свою работу по четкому запланированному графику: вода, лимонад, чай или кофе с лимоном, или со сливками, еда, вода и т.д. Так как пассажиров было мало, каждый из нас сидел на одном кресле, если точнее на трех. И при желании, сняв обувь можно было лечь и спать. Ведь время в пути до аэропорта Хабаровск без пересадки составляло чуть более 7 часов. Эта особенность давала о себе знать, когда летишь в сторону Дальнего Востока. Вылет из Москвы в 10-00, в Хабаровске в это время уже 17 часов. Прилетаешь по московскому времени в 17-20. А в Хабаровске – половина первого ночи!!! При полете обратно, эта особенность, помогала «сэкономить» время. Разница по времени была 7 часов, а время в пути 7 часов 20 минут. Вот и получалось, вылетаешь из Хабаровска в 14-20 и прилетаешь в Москву в 14-40.

Так и случилось, что спустя 3 часа после очередного приема пищи большинство пассажиров улеглось спать. Мне не спалось, я сидел у иллюминатора и продолжал с интересом наблюдать за однообразной картиной, синей вечности. Откровенно, я надеялся увидеть где-нибудь в дали самолет. Я точно знал, что это невозможно, как офицер ПВОшник, потому что у каждого воздушного судна существовал свой маршрут, свой эшелон. И с земли средства локации, и диспетчера внимательно наблюдали, чтобы самолеты не отклонялись от своих маршрутов. Но надежда была.

– Хотите еще кофе? – отвлекла от моих наблюдений стюардесса. На ней не было форменного кителя, улыбка осталась, а пуговицы на ее белоснежной блузке готовы были оторваться под напором груди и ее продолжения.

– С коньяком – в шутку ответил я.

– Можно коньяк без кофе – услышал в ответ.

– Если Вы серьезно, я не возражаю.

– Проходите в хвостовую часть самолета и ждите.

Напомню, всех пассажиров в связи с малым количеством расположили в носовой, более комфортабельной части самолета. Так как турбины самолета находились в хвостовой части.

Я встал и перешел в хвостовую часть. Стюардесса появилась без подноса, по – простому. В руке у нее была бутылка коньяка, две рюмки и стандартная коробочка авиационной еды.

Пропуская подробности, но случилось то, что я первый раз в своей жизни изменил своей жене, на высоте 12 000 м. Приземлившись в Хабаровске, я сделал пересадку до Южно-Сахалинска. Этот путь был намного короче, тоже на самолете ИЛ, только модель «18» четырехмоторный, турбовинтовой, проще и менее комфортабельный. Но выбирать не приходилось. Дальше путь лежал до порта Корсаков, который находился на берегу залива Анива. А уже оттуда на теплоходе на острова.

В порту я столкнулся с проблемой билета на теплоход. Точнее с его отсутствием. Следующий был только через пять дней. Не помогло мое обращение к военному коменданту. Таких, как я, было больше сотни и воинские звания у них были выше моего.

Выйдя, из здания комендатуры я сел на рядом стоящую лавочку, чтобы подумать и принять решение, что делать дальше. Минуту спустя подсел пожилой мужчина в рабочей, замусоленной «робе». Я немножко отодвинулся, чтобы исключить возможность испачкать свою форму.

– Решаешь проблему, как попасть на теплоход? – произнес мужчина, одновременно выдохнув дым, после затяжки сигареты. Я удивился. В голове возникла мысль, что он хочет с выгодой для себя продать мне билет. Ведь я сидел отдельно от всех, и ему это было проще сделать.

– Вы хотите продать билет, я куплю, сколько надо заплатить? – ответил вопросом на вопрос.

– Нет, билетов у меня нет. Могу подсказать, как попасть на теплоход гарантированно.

– Сколько стоит информация? – спросил я.

Мужчина улыбнулся, снова затянулся сигаретой.

– Нисколько. Просто так. Сын у меня в военном училище учится, его тоже будут ждать такие проблемы, может, и твой отец ему при случае даст хороший совет, ведь ты же недавно училище закончил?

– Да, два года назад.

И мужчина подробно рассказал план моих действий. Совершив все необходимые маневры, согласно полученной инструкции, я оказался у трапа красавца белоснежного теплохода «Ольга Андровская». У трапа пусть и гражданского теплохода стоял вахтенный матрос. Он вежливо поинтересовался целью моего прихода и, узнав, что мне нужен пассажирский помощник капитана по имени Сергей, поднялся по трапу и через какое-то время вместе с ним спустился, тот самый пассажирский помощник – Сергей.

– Слушаю Вас товарищ лейтенант – обратился ко мне помощник.

– Мне сказали, что Вы можете помочь попасть на теплоход, мне очень надо – сказал я, совсем забыл инструктаж мужчины в «робе».

– В шахматы играешь? – спросил меня помощник.

– Фигуры умею передвигать – ответил я, честно.

– Бери свои чемоданы, поднимайся по трапу.

И, я, опять, впервые в жизни, оказался на борту пассажирского белоснежного красавца теплохода. Скорее по случайному совпадению, когда Михаил Сергеевич объявил борьбу с пьянством в 1985 году, теплоход «Ольга Андровская» зашел к нам на рейд в Южно-Курильске, он был покрашен в черный цвет.

Теплоход был построен в Югославии, по просьбе товарища Тито к Леониду Ильичу, чтобы помочь братским кораблестроителям. Теплоходов такого типа было построено четыре штуки. И им дали имена наших замечательных русских актрис: «Ольга Андровская», «Ольга Садовская», «Антонина Нежданова», «Мария Ермолова». Суда данного класса имели 206 спальных мест и места в креслах авиационного типа, на пассажирском сленге назывался «авиасалон». Каюты оборудованы кондиционерами воздуха и индивидуальным санузлом с туалетом, умывальником и душем, снизу были установлены диван-кровати, а верхние полки представляли собой кровати «плацкартного» типа. В кормовой части судна на верхней палубе был ресторан, в котором пассажиры завтракали, обедали и ужинали. Кроме того, имелось 2 кафе: одно с баром и кафе-кинозал, музыкальный салон с баром, танцплощадка. Ресторан и бар работали по очереди. В баре не было спиртных напитков, а были только коктейли на основе коньяка и водки, а также кофе, не растворимый из банок по одному рублю за банку с очень популярным во всем мире названием «PELE», который варился в кофе-машине и имел аромат и вкус насто-

ящего кофе. Бар закрывался, когда открывался ресторан, для того, чтобы пассажиры смогли позавтракать, пообедать и поужинать. В ресторане пекли свой хлеб, необычайной вкусности, пока мы ждали заказ, успевали, предварительно намазав горчицей, съесть 3-4 кусочка хлеба. Я никогда не был в дальнем зарубежье и не могу сказать наверняка, но мне кажется, привычка намазывать хлеб горчицей во всех местах общественного питания, присутствовало только в СССР. Первый раз в своей жизни в ресторане на теплоходе я попробовал салат из кальмаров с яблоками. Чудесная закуска, если ее правильно приготовить. Если кальмара переварить, то по вкусу он превращался, в обувную подметку. Ресторан был не очень большой и на прием пищи обслужить всех пассажиров не мог. Поэтому всегда у ресторана была привычная для советского народа очередь. Но были периоды, когда теплоход попадал в небольшой шторм и при 3-4 баллах качки, практически все пассажиры лежали на койках в своих каютах. Качка бывает 2-х видов: бортовая и килевая. Килевая была самая неприятная, это когда теплоход во время движения вначале своей носовой частью поднимается вверх, а потом резко опускается вниз, аналог «воздушные ямы» на самолете. Бортовую, было легче перенести, это когда корпус судна раскачивался вправо-влево, по принципу укачивания ребенка. Многие пассажиры для этого специально ложились и засыпали. И в эти моменты в ресторане было пусто.

Это несколько не смущало нас молодых, здоровых, с отменным вестибулярным аппаратом и аппетитом. Однажды в 4 балльный шторм, когда мы проходили, пролив Екатерины, ресторан был пуст. Мы четыре офицера, зашли в ресторан, сели за столик. Ни одной официантки в зале не было. Персонал тоже был, как простые смертные пассажиры, а не космонавты, и качка действовала и на них. Подождав пять минут, не выдержал и пошел в сторону служебного входа, откуда официанты выносили готовые блюда, Славик, я с ним познакомился только на теплоходе, откуда он и где служил, я еще не успел узнать. Дело в том, что теплоход во время рейса посещал три острова: Шикотан, Кунашир и Итуруп и везде служили или работали люди различных профессий, как правило, это военные, пограничники, рыбаки и рабочие рыбзаводов. Слава вышел и следом слегка пошатываясь от качки пришла официантка с глазами с величину кофейной чашки.

- Ребята Вы что ненормальные? – первое, что мы услышали от нее.
- Почему?
- В такой шторм и обедать?!!
- Примите заказ, пожалуйста.

И мы продиктовали закуски, первое, второе и конечно бутылочку водки. Ее с хлебом и икрой минтая мы попросили принести первой. Официантка вышла и вернулась с чайником в руках, мы удивленно переглянулись. А она подошла к одному углу стола и полила на скатерть, потом выполнила это действие и на других углах стола. Оказалось, это было нужно, что бы скатерть ни сползала с гладкой поверхности стола во время качки. Я подробно не буду описывать процедуру нашей обедни, но выйти, посмотреть на нас вышел практически весь персонал ресторана. Когда мы расплатились по счету, то услышали громкие аплодисменты. Как нам потом объяснила Татьяна бармен, в их практике мы были первыми пассажирами, которые в такой шторм выпили, закусили и без последствий, сами понимаете каких.

Рассказываю так подробно, что бы Вы поняли в какое буйство развлечений и отдыха попадал пассажир, купив билет на один из этих теплоходов.

Мне, благодаря стараниям пассажирского помощника, досталось место на диван-кроватьи на средней палубе. Эта была лучшая палуба. Переодевшись в спортивный костюм, я пошел изучать теплоход.

Началась посадка пассажиров. Гуляя по теплоходу, я увидел на площадке перед рестораном игровые автоматы. В наше время их называют «однорукие бандиты». Да, в 1983 году, на Советском теплоходе, стояли «однорукие бандиты» опустив пятикопеечную монету, как в Московском метро, можно было испытать счастье. Так, я первый раз в жизни, познакомился с

игровыми автоматами. Помимо «одноруких» там еще стояли автоматы с игрой «супер Марио». В современной жизни, в переходном периоде, одна из самых популярных игр на игровых приставках типа «Денди», с вставляемыми ярко желтого цвета картриджами. Позже барменша из кафе объяснила мне, что теплоход, по маршруту Корсаков – Курильск – Корсаков ходит только с мая по октябрь месяц. А потом после окончания навигации теплоходы ходят по маршруту Корсаков – Осака – Новая Зеландия. Поэтому судно так и оборудовано для иностранных туристов.

Кафе работало, в отличие от ресторана и я решил отметить, свое удачное попадание на теплоход. Но спиртных напитков в чистом виде в баре не было. Были только коктейли, и еще был кофе. Нет не растворимое кофе без вкуса, который был большим дефицитом, но от этого не был вкуснее. А кофе, которое барменша сварила, как я описал выше, в кофе-машине. И это был первый сваренный кофе, который я выпил. Следом последовал и первый винный коктейль. Пока я пил кофе и коктейль теплоход уже вышел в открытое море. Я пошел в свою каюту и... заблудился. Я не мог найти дорогу в многочисленных коридорчиках и трапах судна. И только случайно встретив стюарда, я добрался до своей каюты. Она уже была заселена. Моими соседями оказались: майор с женой, они возвращались из отпуска, и «старлей», возвращавшийся в часть из командировки. Мы быстро познакомились, и они мне стали дружно рассказывать про прелести и трудности жизни на Курилах.

После обеда, мои соседи пошли в каюту спать, а я поднялся на самую верхнюю палубу. Посмотрел вокруг и увидел только океан до самой линии горизонта. И второй раз после самолета, я подумал о необычайной красоте, притягательности и бесконечности вокруг меня. Это был Тихий океан, противоположность небесной синеве, он был скорее серо-бурого цвета, волны добавляли ему еще большей уверенности, в своей силе перед любым судном, а тем более человеком. И если теоретически, во время крушения воздушного судна, пассажиров можно спасти при помощи парашютов, то при крушении теплохода, надежды спастись не было, внизу была вода, вода, вода. Для теплоходов, как и для самолетов, тоже существовала навигация и маршруты, по которым они должны были следовать. Поэтому встретить в непосредственной близости другой теплоход было невозможно. Зато очень редко, я видел за все три года хождения на теплоходе, всего один раз – дельфинов. Да, именно хождения. Моряки сильно обижаются, если употребляют слово «плавает», обязательно они ответят:

– Плавает только дерьмо в проруби.

Про путешествие на теплоходе можно было бы писать отдельный рассказ. Спустя двое суток наш теплоход бросил якорь в двух милях от п. Рыбачий на острове Итуруп.

Итуруп – самый комфортный дом для вулканов. Их на острове 20 штук, причем 9 из них действующие. Богдан Хмельницкий хоть и не самый высокий, но, определенно, самый известный. Он – царь среди Итурупских вулканов. Этот молчаливый наблюдатель виден почти из любой точки острова. Но... в ясную солнечную погоду. Местами на его зеленой шевелюре проглядывают седые прожилки: на Хмельницком, уютно укутавшись в складки, ранним летом все еще лежит снег.

Я с вещами стоял на палубе и думал, каким образом можно попасть на сушу. Ситуация решилась быстро. К нам с правого борта подошел плашкоут. Это такая баржа, оборудованная лавочками, которые находились внутри помещения сбитого из фанеры. К теплоходу баржу подводил буксир. На палубу плашкоута опускался трап и по нему пассажиры спускались, предварительно пройдя обязательный пограничный контроль.

На берегу представителей разных частей ждали автомобили. Как правило, это были «Уралы» или «Зилы», ГТСМ и ГТТ. Нас ждал ЗИЛ – 157. Мы разместились в кузове тентованного автомобиля или, как его называли по-простому «колун» из-за передней части автомобиля по форме напоминающий колун для дров. Старший машины обещал через 2 часа будем на месте. Мы ехали среди сопки то, поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, объезжая сопки.

Наблюдать за дорогой можно было, только смотря назад, там не было тента. Увиденные пейзажи меня не очень сильно вдохновили.

Наконец мы остановились и услышали команду старшего машины, что можно выходить. Я сидел с краю, поэтому быстро спрыгнул и увидел трехэтажные блочные дома. Они все были благоустроенные с удобствами. Вместо асфальтовых дорожек, были уложены дорожки из ж/б плит. Одним словом, пахло цивилизацией.

После обязательной части представления командиру части и начальнику политотдела, меня на крыльце штаба нашей воинской части сгреб в охапку белобрысый, кучерявый старший лейтенант в очках.

– Я тебя уже заждался – сменщик, ты мой дорогой. Пойдем, покажу, где ты будешь жить.

Только теперь я понял, что стоящий передо мной блондин это тот, кого я приехал сменять. Для непосвященных объясню. В районах, где был льготный коэффициент, офицеру разрешалось служить не более установленного срока. На Курилах этот срок был 3 года.

Володя, так звали моего сменщика, привел меня к себе, а точнее уже ко мне домой. Это была двухкомнатная квартира. На полу утепленный линолеум, на кухне 4-х конфорочная электроплита, туалет, ванная комната. Все как на материке, так называли мы островитяне жителей на материковой части нашей необъятной Родины.

Его жена уже накрыла стол. Первое, что бросилось мне в глаза это вазочка грамм на 300 полная красной икры. Рыбы и рыбных блюд оказалось 95%. Потом я понял почему. 5% это была говяжья тушенка. Не подумайте, в то время тушенка была из настоящего мяса, и красные без жира куски мяса не только выглядели аппетитно, но и были настолько вкусны, что оторваться было трудно. Мы с Володей сели за стол, его жена тут же принесла из холодильника бутылку водки, сильно запотевшую, видимо держала ее в морозильнике холодильника.

– Это водка настоящая, привез из последнего отпуска для этого случая – проинформировал меня Володя.

– А что тут есть и не настоящая? – сразу спросил я.

– Тут ее нет совсем – дефицит, продолжил просвещать меня кудрявый.

– А что же пьете «шило»? («шило» на армейском жаргоне назывался технический спирт, выдаваемый на обслуживание техники, очень высокого качества).

– Пьем спирт.

– Ааааааааа, только и смог произнести я, дав понять, что мне все понятно. На самом деле я все понял месяца через 3-4.

Володя налил по рюмкам, в том числе и жене. Произнеся дежурный тост, мы опрокинули рюмки. Я стал искать, чем закусить. В это время Володя, взяв в руки столовую ложку, запустил ее в вазу с икрой и направил уверенным движением к себе в рот. Я про себя подумал: «Он хозяин это его право, я еще не заработал на икру». И взяв кусочек хлеба ножом, положил на него в буквальном смысле несколько икринок и этим бутербродом я закусил. Лица моих гостеприимных сменщиков от улыбки готовы были порваться на две половинки. Они едва сдерживали себя от смеха.

– Мы тоже так начинали, Владимир – продолжая улыбаться, выдал из себя сменщик. – Поверь, через полгода, ты кусочек в сто грамм свинины будешь есть с таким удовольствием, что будешь готов за него отдать любое количество икры.

Он оказался на 100 процентов прав. Так я впервые в жизни ел красную икру столовой ложкой.

Курильские острова или коротко Курилы – самый восточный край нашей страны, место, где всё существует по законам природы и, кажется, человек признаёт абсолютную власть стихии. Потому, что бороться с ней было нельзя. Во время тайфуна, даже надев на себя прорезиненный комплект от химзащиты, казалось, дождь прокалывал его, как прокалывает иголка – кусочек ткани и было ощущение, что ты принимаешь «душ Шарко».

Вообще Курильская гряда растянулась от полуострова Камчатка и начинается с острова Парамушир, вторым по величине после о.Итуруп, куда я прибыл для прохождения службы. И заканчивается буквально в 16 километрах от японского острова Хоккайдо. Земля здесь «выдыхает» раскалённые пары, океан щедро одаривает жителей пищей, а местные пейзажи вряд ли уступят по своей красоте самым популярным экзотическим странами. Курилы – это самобытный, завораживающий и ни на что не похожий край. Коренными жителями Курил были – айны. Именно от их языка произошли названия самих южных островов, рек и озер. Сегодня Россия и Япония спорят о принадлежности этих территорий. Точнее спорит Япония.

Служба в п. Горячие Ключи, именно так назывался населенный пункт, где мне предстояло служить располагался на острове Итуруп, ни чем не отличалась от моей службы в Орловской РТВ (радиотехническая бригада). Помимо нашего полка РТВ, основную массу военнослужащих составляли «сухопутчики». В этом же поселке находился штаб мотострелковой дивизии. И если, основная задача нашего полка была реальная – круглосуточно и круглогодично охранять воздушные границы нашей Родины. Мотострелки в основном занимались боевой и политической подготовкой. Высаживали дерн и деревья, которые привозили из соседних с поселком лесов. Мы посмеивались над ними. Однако они делали очень нужную и важную работу. В весенне-летний период, во время периода тайфунов, поднимался сильный ветер и из-за отсутствия травяного покрытия, по всему поселку летала пыль, которая впивалась в кожу, в одежду, в ноздри и ушные раковины. Поэтому выкладывая дерн ромбовидной решеткой, они спасали нас от пыли. Делали они это без выходных и праздников. Среди наших «сухопутных» коллег даже был популярен анекдот. Три офицера дивизии пришли на берег реки распить бутылочку на троих. А закуску забыли. Смотрят, на дереве сидит ворона и во рту держит кусок сыра. Решили у нее одолжить для закуски. Стали ее нахваливать. Ворона никак не реагирует. И тут самый молодой лейтенант говорит вороне: «Ворона послушай, первый раз за год комдив выходной дал!».

– Как? – удивилась ворона и сыр выпал.

Главное отличие от службы на материке, было в том, что за день приходилось не менее двух десятков раз за сутки прибегать на КП (командный пункт) полка по готовности №1. Сказывалась близость государственной границы и Японии. Как только самолеты – разведчики армии USA «Орион», SR-71 и др. приближались в нейтральных водах, к границе, гудела сирена и пока они летали, мы их сопровождали.

В этой связи должен рассказать о событиях, которые произошли и связаны со сбитым Южнокорейским «Боингом». Написано, показано и рассказано огромное количество версий. Я, как офицер, реально принимавший участие в сопровождении Южнокорейского «Боинга-747» НПП (нарушитель режима полетов).

Примерно за два месяца до сбитого «Боинга», вблизи малой Курильской гряды, около островов Шикотан, Танфильева, Зеленого, произошли следующие события. К островам в Тихом океане, в нейтральные воды, подошли 2 американских авианосца – «Энтерпрайз» и «Немец» это были, на тот момент, самые современные корабли такого типа, с ядерной силовой установкой. Основу вооружения этих авианосцев составляли истребители-бомбардировщики FA -18 «Хорнет». И с этих авианосцев, в сторону нашей государственной границы, стали взлетать американские истребители. Расстояние до границы СССР было минимальным, и все самолеты нарушали, на несколько минут пересекали государственную границу. Наши станции РЛС смогли только зафиксировать факт нарушения границы. А поднятые по тревоге истребители с аэродрома «Буревестник», на острове Итуруп, прилетая к месту нарушения, ничего не обнаруживали, так как самолеты США, уже успевали возвратиться в нейтральные воды. И так было больше 20 раз.

Литературными словами невозможно описать реакцию Политбюро ЦК КПСС. Сколько полетело «голов» и погон различных должностей от командиров роты до командующего

округа, не сосчитать. Была подорвана репутация нашего государства, нашей системы ПВО. Хотя, по сути, сделать, что-то большее, было практически невозможно. За несколько минут, которые самолеты США, находились на нашей территории, даже ракетой сбить эти цели невозможно.

Естественно все эти события были известны только тем офицерам, которые имели соответствующий допуск к информации. Раньше во времена СССР не принято было данные такого плана выдавать средствам массовой информации. Именно поэтому, после уничтожения южнокорейского самолета даже Советскому народу не было ясно, зачем сббили гражданский самолет.

Вот на этом фоне и произошли трагические события 1 сентября 1983 года. Поскольку у меня еще не было детей школьного возраста, я по просьбе своих офицеров был ответственным по подразделению (была такая неофициальная должность в ВС). После ужина, как положено я привел на КП дежурный расчет. После выполнения определенных процедур, я ждал, когда бойцы произведут смену на своих рабочих местах. По привычке смотрел на планшеты, проверяя работу подчиненных солдат. Посмотрел и на планшет общей воздушной обстановке, обычно там отображалась информация с неподконтрольной нам территории. И тут же обратил внимание, что планшетист стал наносить траекторию полета, вне установленной воздушной трассы над нейтральными водами Тихого океана. Это был ежедневный маршрут пассажирского южнокорейского «Боинга-747», выполнявший рейс по маршруту «Нью-Йорк-Анкоридж-Сеул».

Первым делом я подумал, что ввиду неустойчивой радиосвязи, такое на Курилах было очень часто, планшетист неразборчиво слышал квадраты «сетки» ПВО. И я пошел на его рабочее место, чтобы проверить свои подозрения. Я взял параллельные наушники и услышал очень разборчивый голос «диктора», так называли специалистов, которые считывали информацию с индикаторов РЛС. И прослушав, очередную информацию, я понял, что планшетист не ошибается.

Такое не часто, но случалось в повседневной практике, по уважительным или не уважительным причинам, пилоты отклонялись от установленного маршрута. В этом случае оперативные дежурные наших ВС связывались с гражданскими диспетчерами, сопровождавшие пассажирские самолеты, и они поправляли летчиков самолетов – нарушителей режима полета. Это не было криминалом.

Вернувшись в зал боевого управления, я понял, что объявлена готовность №1, и произошло что-то важное. Опуская подробности, расскажу главное, пассажирский «Боинг-747» отклонился от маршрута, вглубь территории СССР до 500 км. Его полет проходил сознательно над территорией Советского Союза, на команды диспетчеров не реагировал. На попытки наших истребителей принудить к посадке тоже не реагировал. При этом, наш летчик подтвердил, что в иллюминаторах пассажирского самолета отчетливо видны лица пассажиров. Все эти события, по принуждению самолета-нарушителя, вернуться на маршрут или сесть на аэродром, длились несколько часов. И когда стало ясно, что очень скоро «Боинг» покинет воздушное пространство СССР в районе о. Монерон, истребителем-перехватчиком СУ-15, Боинг-747 был сбит.

Я был в шоке от увиденного и случившегося. Всю ночь мы на квартире у одного из офицеров пили, спорили, приводили доводы, но к общему знаменателю так и не пришли. Утром по радио мы услышали официальное сообщение Политбюро ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР, о том, что Боинг-747 преднамеренно нарушил государственную границу Советского Союза, с целью обнаружения сил и средств ПВО, поэтому был уничтожен.

После этого события в Южно-Сахалинске и других городах на о. Сахалин поднялись массовые волнения корейского населения. Да, на Сахалине проживало официально, очень большое количество граждан из Южной Кореи. Как с нашим гражданством, так и без него. Их еще называли «зелеными», по цвету паспорта, который выдавали корейцам, не гражданам СССР.

Одного офицера на улице Ленина в Южно-Сахалинске, чуть не забили до смерти. В военном госпитале на трубу котельной повесили фашистский флаг. К чести наших комитетчиков они быстро вычислили нашего советского мужика, который за деньги повесил этот флаг. Мне предстояло ехать в командировку в Южно-Сахалинск, и я получил приказ ехать в гражданской форме и с личным табельным оружием. Все было так серьезно. Демонстрации корейцев жестко подавлялись. Конечно, об этом в газетах не писали.

И только год спустя, случайно находясь опять в командировке в Южно-Сахалинске, в нашей военной гостинице, я оказался в комнате, где проживали парни – моряки из ВМФ. Один из них оказался водолазом, который после того, как в районе сбитого «Боинга» наши военные надводные корабли и подводная лодка не допустила к обломкам корабля никого: не корабли ВМФ США, ни корабли ВМФ Японии. Так этот водолаз рассказал, что вместе с другими спустился к обломкам южно-корейского самолета и все снимал на камеру. Внутри самолета только экипаж 6 человек были реальными. Все остальное были манекены взрослых около иллюминаторов, детские куклы, соски и прочее. Реальных пассажиров в самолете не было.

На Итурупе, как и на всех южных Курилах телевидения не было. Нашего Советского телевидения. Про другое телевидение, я расскажу позже. Специальный запущенный спутник «Орбита» позволял смотреть телевизор жителям Приморского, Хабаровского края, Магаданской области, Читинской области. Поэтому основным занятием в свободное от службы время в нашей компании были развлечения, общедоступные и известные. Мне повезло. Я подружился с замечательными людьми, которые уже прослужили больше года на Курилах. Они мне помогали осваиваться к местным правилам и обычаям. Я в нашей компании был самый молодой: и по возрасту, и по воинскому званию соответственно.

Собираясь, по очереди у кого ни будь на квартире, мы играли в лото. Была такая игра. Раздавались карточки с цифрами. Из мешочка доставались деревянные бочонки, и ведущий выкрикивал соответствующий номер на нем. Помните знаменитые на слух: «барабанные палочки», «дед», «туда-сюда». На сленге лотошников так обозначились определенные цифры. Играли не просто так. Играли на реальные денежки. Сейчас под маркой этой игры «Русское лото» проводят по телевидению очередной «лохотрон», где могут разыгрывать 1 млрд. рублей. Естественно все игры сопровождалось, небольшими вливаниями и закуской. В выходные дни мы ходили на речку варить уху, брали с собой детей, бадминтон, мячик. Рыбу ловили очень быстро, на простую длинную палку привязывали леску очень длинную, с крючком и грузилом, но без поплавка. Вода в реке была прозрачная, рыбу было видно невооруженным глазом. Заходишь в «болотниках», так называются резиновые сапоги, похожие на мушкетерские ботфорты, в реку, бросаешь грузило вверх по течению, и смотришь, как к червячку, нанизанному на крючок, подплывает кунджичка или форелька и быстренько подсекаешь. 10-15 минут и на первую загрузку в ведро с ухой наловишь.

Еще в летнее время мы ходили к подножию действующего вулкана «Иван Грозный» и там собирали чудесную ягоду. Мы все ее звали «клоповкой». Почему? Из-за своеобразного, красно-оранжевого цвета свежей ягоды. Но морс, сваренный из нее это непередаваемый вкус. Я вкуснее в своей жизни не пил. Позже, я интересовался, по – научному, эта ягода называется – красника.

Еще в ночное время, вооружившись фонариком, рюкзаком, в котором было пластиковое ведро, и самодельным багром, мы выходили на «охоту». Мы шли во время нереста рыбы к реке и вытаскивали багром рыбину. Посвятив фонарем на рыбину, слегка давали на нее сапогом и..., если сначала выходила икра, но вспарывали брюхо и доставали икру. Если оказывался самец, выпускали обратно в реку. На самом деле это браконьерство чистой воды.

Вообще про Курильские острова можно рассказывать бесконечно. Очень многое в своей жизни я видел впервые. Но был еще один уникальный «экземпляр» про который мой рассказ, про Курилы был бы не полным. Экземпляр – это не название вулкана, сопки, редкого дерева

или ценной породы рыбы. Это условное обозначение редкостного негодяя, занимавшему очень большую должность. Который, по сути своей должности, должен был быть человеколюбом, который должен был людей объединять, вникать в их проблемы, заниматься их идейным вдохновением, организацией досуга. Этот субъект был начальник политотдела нашего полка майор Валик Владимир Павлович. Я на протяжении своей двадцатилетней службы, к счастью, больше не встречал офицера, в любой должности, которого одинакового ненавидели все: офицеры, прапорщики, солдаты, семьи офицеров и их взрослые дети.

Некоторые мазки его портрета, конечно не маслом, на холсте. Его обращения к офицерам политотдела и другим офицерам: «сволочь», «скотина», «быдло», «тупица». Скажете, такого не может быть. Сам думал, не может. Оказалось, может. Окна его квартиры на втором этаже всегда были задернуты шторами. Доносы на командира части, начальника штаба и др. «строжил» регулярно. При этом, при каждом удобном случае, находясь в командировке на Сахалине, возил килограммы икры и десятки отборных «хвостов» кеты. За руку ни с кем не здоровался. На организованных, без его участия, вечерах отдыха приходил только в форме, сидел один и что-то записывал себе в блокнот.

Расскажу забавно-трагический случай, произошедший на одном из вечеров. Я не помню, чему был посвящен очередной «Огонек», какому-то празднику. Это не важно. Вечер уже были в разгаре. Нам повезло, и у нас играла «живая» музыка. Духовой оркестр мотострелковой дивизии. Это было очень здорово. Музыка из наших домашних кассетных магнитофонов, не отличалась большим разнообразием. Надо отдать должное, в нашем поселке был построен шикарный Дом офицеров. С кинозалом, библиотекой, и залами, для проведения вечеров. Не многие воинские части на материке имели такие Дома Офицеров.

У нашего командира полка была жена, она работала зав. библиотекой нашей части. Замечательная, образованная, интеллигентная и весьма для своего возраста привлекательная женщина. Именно она писала большинство сценариев наших «Огоньков». По этому сценарию, чтобы привлечь на танцевальную площадку наших офицеров, я по просьбе, Надежды Дмитриевны, так ее звали, должен был пригласить ее на тур вальса. Она хорошо уже знала, что я в школе занимался бальными танцами.

В нужное время я подошел к столу, где сидела Надежда Дмитриевна, со своим мужем, командиром части – подполковником Князем Сергей Сергеевичем. Как положено, спросив у него разрешение, я пригласил его жену на танец. И мы стали танцевать. За нами потянулись остальные. Танцевали все. Те, кто умел танцевать вальс, те, кто не умел, но очень старался, те, кто просто танцевал, как им нравится. Не танцевал только один человек. Догадались кто? Правильно это был начпо. Я реально чувствовал его взгляд на своей спине, голове, руках, ногах, пока мы танцевали с Надеждой Дмитриевной. И это было неспроста.

На следующий день сразу после утреннего развода начпо вызвал меня в кабинет к себе.

– Ты, что скотина себе позволяешь, – обратился сходу он ко мне.

– Подбирайте слова, – товарищ майор, ответил я.

– Да..., я..., тебя... из партии исключу, в звании разжалую...

– Так меня нельзя разжаловать, я еще лейтенант – вы не забыли.

– Я тебя..., его губы и ладони тряслись, как будто он сидел верхом на перфораторе, – под суд военного трибунала отдам.

– За, что, мне столько много чести? – с сарказмом спросил я.

– Ты на глазах у всех на «Огоньке» подрывал принципы единоначалия, подрывал авторитет командира полка.

Мне было странно это слышать из уст начпо. Обычно это была его прерогатива подрывать авторитет нашего командира.

– Вы можете конкретно сказать, в чем Вы меня обвиняете – уже громко и раздраженно стал отзываться я.

– Ты с его женой вчера танцевал?

– Да, с его разрешения, Вы же видели.

– Лучше бы не видел. Ты же ее груди прижимал к своему телу.

– Вы, о чем? – я реально не понимал, как я мог это сделать.

– Ты что, придурок, не понимаешь? Или притворяешься? – опять рычал он на меня. Ты, танцуя, прижимал ее к себе. Ее груди прижимались к твоей груди и это...

В этот момент я стал смеяться. Я долго не мог остановиться и поэтому не слышал, что он еще уже не просто кричал, а визжал со страшной силой.

– Товарищ майор, а что, кто-то придумал, возможность, танцевать по – другому? Мне командир претензий не предъявлял.

– Вы сами танцевать вальс умеете? – спросил я начпо.

– Этот танец враждебный, он немецкого происхождения. Я бы его у нас в Советском Союзе вообще бы запретил.

В этот момент в кабинет зашел командир части. Думаю, начпо так сильно кричал, а звукоизоляция в нашем стареньком, деревянном штабе была никакая, кто-то услышал и доложил командиру.

– Что здесь происходит? – спросил очень строго и сразу на повышенном тоне командир.

– Товарищ подполковник, майор Валик обвиняет меня, в подрыве, Вашего авторитета, – быстро стал объяснять я, что бы начпо не стал развивать свою версию.

– В чем это заключается? – спросил командир, повернув голову в мою сторону, дав мне понять, что и на этот вопрос отвечать должен я.

– В том, что на «Огоньке», я с Вашего разрешения, танцевал с Вашей женой.

– Можешь идти лейтенант – отдал приказ командир.

– Есть, четко по уставу, ответил я и вышел из кабинета, плотно прикрыв дверь.

То, что там происходило, литературными словами описать невозможно. Повторюсь, слышимость была очень хорошая.

После этих событий, месяца через два, к нам приехала комиссия от вышестоящего руководства. Инициировал эту комиссию наш командир. Мне об этом рассказал Сашка Воловенко, ст.лейтенант, с которым мы успели подружиться. Он служил в политотделе нашего полка. Комиссия работала целую неделю. Опрашивали всех, в том числе и меня. Основные вопросы касались поведения нашего начпо. Я рассказал, а потом написал, все как было. После отъезда комиссии майор Валик немножко утихомирился. Он стал менее груб, более терпим и чаще стал посещать наши подразделения отдельные радиолокационные роты, находящиеся на островах Курильской гряды. А это означало, что его не было в полку, после каждого такого посещения, минимум неделю, максимум две недели. Между островами не было регулярного движения не по воде, не по воздуху. Приходилось подстраиваться под попутный транспорт: вертолет, ПСКР (пограничный сторожевой корабль) или другие корабли.

Поэтому в отсутствии начпо отдохали все. При этом он готовил мне сюрприз. Мой перевод на другой остров.

Случилось это так. Меня, как и других моих коллег, вызвали для проведения сборов в Южно-Сахалинск. Вызывали на три дня, но я уже из предыдущих командировок понимал, что сборы могут закончиться через три дня, а вот вернуться обратно в часть, была целая проблема. Особенно в осенне – зимний период. А дело было вот в чем. Добраться на любой из островов Курильской гряды, где массово проживали люди, можно только двумя способами. Первый и главный морем-океаном. Второй – воздушным. Теплоход мог забрать 200-210 пассажиров. На самолете АН-24 можно было перевезти 48-50. Но главная причина задержки в Южно-Сахалинске, после сборов это отсутствие погодных условий для принятия самолета на аэродромах на Курильских островах. По этим причинам, командировка автоматически продлевалась на неопределенный срок. Однажды я вернулся в свою часть только через месяц.

Так вот. Во время сборов меня к себе пригласил на беседу начальник политотдела нашей дивизии. От такой приватной беседы, мы (офицеры), никогда хорошего не ждали. Постучав в дверь его кабинета, открыв, я доложил, как положено: «Товарищ полковник, по Вашему приказанию прибыл».

– Садитесь, Владимир Газарович, – он взглядом показал на стул стоящий рядом с его столом. Откровенно говоря, такое обращение меня удивило.

– Как Вам служится? – спросил он меня, улыбаясь.

– Нормально, жалоб нет, – ответил я.

– Вам дают хорошие рекомендации.

– Можно узнать кто, товарищ полковник?

– Ваш начальник политотдела майор Валик, командир части.

Я был сильно удивлен и видимо не смог на своем лице скрыть этого. Майор Валик хорошо отзывался обо мне, это нонсенс. Он в принципе не мог отзываться хорошо ни о ком.

– Вы удивлены? – спросил Вячеслав Васильевич, так звали начальника политотдела.

– Откровенно, да.

– Мы хотим отправить Вас на усиление в другое подразделение Вашего полка, на равнозначную должность. Вы не против?

– Можно подумать, мое мнение кого-то интересует, – подумал я.

А вслух сказал:

– Готов служить, куда Родина пошлет!

Теперь мне стало ясно. Валик очень красиво меня удалил с глаз своих и соответственно, фактически понизил меня в должности. Так как меня переводили на должность освобожденного секретаря комитета комсомола. Была раньше такая должность. Она не предполагала самостоятельности и была для профессиональных политработников, унижительной. Как правило, на такие должности назначали младших офицеров, закончивших командные или инженерные ВУЗы, но не справлявшиеся со своими прямыми обязанностями. Итак, я был отправлен служить на остров Кунашир в п. Менделеево, там находился отдельный РТБ (радиотехнический батальон). Командовал батальоном майор Петров Сергей Владимирович. Отличный командир и знающий специалист. Спустя 30 лет через социальные сети мы нашли друг друга и поддерживаем отношения до сих пор.

О том, как проходила служба подробно рассказывать не буду это не интересно. А вот про остров, на котором находился природный заповедник «Курильский», расскажу насколько можно подробнее, по моему убеждению, он этого заслуживает.

На острове находится самый большой действующий вулкан на Курильской гряде – Тятя. Его высота более 1800 метров. В своем основании имеет правильную форму усеченного конуса, а на нем располагался второй конус, в любое время года вершина была в снегу. Кроме вулкана Тятя на острове было еще три действующих вулкана Головнина, там находилась наша подчиненная рота, вулкан Менделеево, рядом с ним и находился наш батальон и одноименный поселок с аэропортом. Еще одного название не помню.

В заповеднике «Курильский» проживало более 80 видов животных, включенных в Красную Книгу. На его территории можно было встретить как привычные для нас деревья сосны, ели, клены, так и лианы, и бамбук. Вот такое многообразие.

Около вулкана Головнина находятся два уникальных озера. Первое называется «Кипящее» или Мертвое, так его называли южно – курилчане. Второе называлось – «Горячее». Рядом с озерами зарегистрирована сильная термическая активность, там можно было увидеть, как на Камчатке, выбросы газов сероводорода и струи горячей воды. Температура воды озера «Кипящего» составляла, в некоторых местах до +80. Поэтому купаться там было невозможно. Второе название Мертвое коренные жители дали по причине того, что в озере была большая концентрация мышьяка и других сильных отравляющих веществ. Кипящее озеро было соединено

искусственным ериком, прорытым японцами, с озером «Горячее». В отличие от «Кипящего» второе озеро было лазурно-голубого цвета и это было самое глубокое озеро на Курильских островах, глубина местами достигала более 60м. В этом озере можно было купаться даже зимой. Помню случай, когда очередная комиссия, приехавшая проверять боевую готовность зимой, изъявила желание там искупаться. Обычно основные комиссии приезжали к нам во время начала путины горбуши и лосося. Нерка у нас встречалась очень редко. Мы все прекрасно знали, что основная задача комиссии – это не проверка боевой и политической подготовки (БПП), хотя формально она проводилась. Нужна была красная икра и вяленая рыба.

Поэтому комиссия, приехавшая зимой, захотела чего-то особенного. Меня командир взял с собой потому, что я был единственный человек, который не только умел фотографировать, а впоследствии напечатать фотографии. А еще я был обладателем, по тем временам дефицитного фотоаппарата «ФЭД – 5В».

Это впечатление никогда не забуду. Вообще-то климат на южных Курилах очень теплый, одна широта с Одессой, плюс в непосредственной близости теплое течение Куроисио. Поэтому зимой средняя температура составляла 8-12 градусов мороза. А вот снега выпадало очень много. Толщина слоя, могла достигать до двух метров. Поэтому проехать к озеру можно было только на ГТТ. Он по снегу двигался, как катер по морю, раздвигая снег в стороны. Иногда в трудно проходимых местах, использовали бревна, которые железными цепями, прицеплялись к гусеницам. Наезжая на бревно тягач поднимался вверх над снегом и медленно двигался вперед. Потом пристегивалось второе бревно, и так по очереди. Медленно, но верно ГТТ двигался. Внутри тягача было помещение для пассажиров с деревянными скамейками, сверху брезент. Рядом с кабиной стояла печка «буржуйка». Поэтому в «салоне», если так можно назвать, закрытый брезентом металлический кузов и зимой было довольно тепло. Таким образом, и подъезжали к озеру. Летом это сделать невозможно из-за очень густого бамбука, растущего как кустарник и другой растительности. А за счет снега – это задача было трудновыполнимая, но выполнялась.

Другой действующий вулкан Менделеево находился в прямой близости от нашего поселка Менделеево. От старожилов мне не удалось узнать, кто был назван, чьим именем. Поселок в честь вулкана или вулкан в честь поселка. Одно не подвергалось сомнению, и вулкан, и поселок были названы в честь выдающегося ученого русского химика Д.И.Менделеева. У подножия вулкана находились термальные ванны. С одной стороны вулкана пограничники их облагородили. Туда привозили известных людей или больших проверяющих. На моей памяти там после концерта в Южно-Курильске, принимала ванны великая Советская певица Валентина Толкунова.

А со стороны, которая ближе была к нашему поселку, ходили купаться мы жители поселка. Оттуда была проложена тропа для подъема к кратеру вулкана Менделеево. Вулкан еще называли «Спящая Красавица». Почему? Если на него смотреть издалека, то по своему рельефу он напоминает спящую женщину.

Высота вулкана Менделеево была чуть меньше одного километра. Склоны этого вулкана покрыты хвойными лесами, с густым курильским бамбуком и кедрового стланика. Подробно описываю вулкан, потому, что во главе 6 солдат, отличников боевой и политической, поднялся к кратеру вулкана, в честь 40 – летия Победы, 9 мая 1985 года. Где с бойцами мы прикрепили флаг СССР, и попили чай, приготовленный на вершине вулкана, на костре. Это было первое и последнее мое восхождение в жизни на действующий вулкан.

Не могу не рассказать еще об одном чуде света нашей Родины. Каменные столбы на берегу моря. Уникальное и восхитительное по красоте место. Огромные каменные колонны, из базальта, некоторые правильной шестигранной формы, как будто только из-под станка, многометровой длины. Официальное название этому чуду Мыс Столчатый. Настоящее творение природы.

И, конечно же, основное богатство и достояние это были люди. Мои однополчане, сотрудники обслуживающие гражданский аэропорт и пограничники. Пограничники и сотрудники метеостанции были на всех островах Южной Курильской гряды. Именно эти категории жили в нашем поселке.

Когда сойдя с теплохода «Ольга Андровская» в Южно-Курильске, для прохождения дальнейшей службы, меня встретил в порту лично командир нашей части Сергей Владимирович Петраков, я не мог знать, что спустя много лет благодаря социальным сетям мы с ним опять встретимся, как старые добрые друзья.

От Южно-Курильска до п. Менделеево было километров 26. Хочу особо обратить внимание, что и на Итуруп, и на Кунашире основные дороги были проложены по берегу океана, они не в пример, нашим асфальтированным шоссе, были абсолютны ровные. Вода вылизывала песок до идеальной поверхности, а годы сделали песок настолько спрессованным, что даже очень тяжелые автомобили или вездеходы нисколько не проваливались в песок. Проезжая, оставляли лишь небольшой след, который очередными языками волн тут же все выравнивали. Но были естественно и дороги среди сопок, как правило, грунтовые и после тайфунов или ранней весной они становились труднопроходимыми практически для всех видов автомобилей. А в зимнее время, когда выпадало до 1,5 -2-х метров снега, проехать не мог никто. Пока от п. Менделеево и Южно-Курильска, навстречу друг другу, для прокладки дороги к гражданскому аэропорту, выходили шлатороты. Эти многосильные машины снег не расчищали ковшами, а захватывая, выбрасывали его в сторону, на много метров. Благодаря чему получался настоящий коридор для проезда автомобилей. Высота этих коридоров достигала вверх до трех метров.

В п. Менделеево, где находилась наша часть, основными жителями были работники гражданского аэропорта, человек 6-8. Остальное население, если так можно выразиться, были офицеры и прапорщики нашей части и 5 семей пограничной заставы. Все мы друг друга знали очень хорошо, и все главные праздники страны отмечали вместе, об этом расскажу отдельно, чуть позже.

Меня в поселке ждала однокомнатная квартира в домике, или как мы называли в ДОСе (дом офицерского состава). Подъезжая к поселку, я обратил внимание, что на крыше практически всех домов стояло большое количество антенн, явно кустарного производства и явно не для обнаружения воздушных целей. Напомню, в п. Горячие Ключи, на острове Итуруп, где я начинал службу на Курилах, телевидения не было никакого. Поэтому, я не выдержал, и спросил командира, про антенны. Он ответил, для телевизоров, улыбнулся и добавил:

– Не торопись, скоро все сам поймешь.

– Тут показывает Советское телевидение, – обрадованно спросил я.

– Нет. Тут показывает японское телевидение. 7 каналов. Думай, где будешь покупать телевизор и приставку.

Да. Находясь всего в 16 км по прямой, от г. Немуро на острове Хоккайдо, антенны ловили отличный телевизионный сигнал в метровом и дециметровом диапазоне. Поэтому на крышах и было по три антенны для каждой квартиры. Две антенны метрового диапазона и одна дециметрового. Метровые канала, их было два, можно было смотреть без дополнительного оборудования. А дециметровые, их было пять, только со специальной приставкой, которая продавалась только на «материке». Или сменщики перепродавали их друг другу.

Из-за такого количества антенн на крыше домов, они казались большими пушистыми ежиками. Квартира, в которой мне предстояло жить, не являлась номером «люкс». Удобства все на улице. До деревянных туалетов и колодца было метров 20. Вход в квартиру начинался с маленькой веранды, внутри стояли несколько цинковых, слегка поржавевших, ведер, лопаты снеговая и совка, топор и много мелкого хлама. Дверь на веранду открывалась внутрь. Так открывались все двери, всех домов и всех поселков, на всех островах Курильской гряды.

Зимой, как я уже писал, на Курилах выпадало очень много снега. К середине января наши домики были занесены по самую крышу. Это было очень хорошо, дополнительное утепление, получалось как в медвежьей берлоге. Так вот, чтобы утром выйти после снегопада, дверь должна была открываться вовнутрь, иначе ее бы заваливало снегом, и ее открыть было бы невозможно без посторонней помощи. А так после тайфуна мы все дружно начинали откапываться. Вначале свой вход, потом дорожку до колодца, затем вместе начинали чистить тропинки общего пользования. Иногда это занятие занимало 5-6 часов. Только дежурная смена КП продолжала «бдить» выполняя боевую задачу по охране воздушных границ нашей Родины.

В квартире была небольшая комната примерно 15 кв. метров и кухонька около 6 кв. метров. В комнате стояла солдатская кровать с набором для сна: матрац, подушка и одеяло. На матраце лежал комплект постельного белья: две простыни, наволочка, байковое одеяло и вафельное полотенце, около кровати стоял стул со спинкой, солдатская тумбочка. Вторая тумбочка, без дверки, стояла у окна, где я увидел проведенные через раму, кабели для телевизора. С противоположной от окна стене стоял выдавший виды одностворчатый шкаф, видимо оставшийся от каких-то хозяев. На полу в два слоя лежали солдатские одеяла, давно уже списанные. Они выполняли функцию весьма условную. Закрывали огромные щели в полу, как картина на стене закрывала дырку в мультике про «Простоквашино». Но из этих щелей все равно, особенно в дни тайфунов, очень сильно дуло. На стенах были поклеены свежие обои. От этого комнатка смотрелась привлекательно.

На кухне стоял солдатский 4-х местный стол, три табурета, на стене висел небольшой шкафчик для посуды, наследство от прежних хозяев. В углу стоял «умывальник» с раковиной. Точнее под умывальник была использована солдатская тумбочка без дверки и крышки. Вместо крышки стояла раковина, внутри стояло ведро, куда сливалась вода, сам умывальник был закреплен на доске, прибитой гвоздями к тумбочке. В кухне была установлена чугунная печь, от которой шли трубы к батареям отопления. Причем сразу на две квартиры. Получалось, что истопником был хозяин этой квартиры. Из-за этой печки произошел скандал, ровно через год после моего прибытия. Чуть позже поведаю об этом. Разобрав два своих ящика с вещами и мелким бытовым скарбом, которые я привез с собой на теплоходе, я пошел представляться офицерскому составу. Нет, не в штаб или в казарму. Это была суббота, и меня предупредили, что вечером банный день. А помыться в другие дни было даже теоретически невозможно, для этого не было условий. Причем банька была небольшая, но с парилкой и даже мизерным бассейном 2х2 метра и глубиной 1,5 м. Поэтому представляться я пошел именно в баню.

В бане я встретил капитана Пугачева Василия. Мы с ним встречались на сборах в Южно-Сахалинске. Забыв о том, что он теперь мой непосредственный начальник, я произнес фразу, которая ему явно не понравилась.

– Ба! Какие люди и без охраны! – именно это я сказал.

– Володя веди себя прилично, – ответил мне Василий Иванович.

Я перезнакомился почти со всеми, потому, что основная часть офицеров приходила просто помыться, некоторые со своими детьми. Я же большой любитель парилки, никуда не торопился, мылся, как говорится, с чувством и расстановкой.

В Менделеево, главным развлечением было просмотр японского телевидения. По восьми каналам показывали различные художественные фильмы, развлекательные программы, научно-популярные. Естественно все на своем японском языке. На некоторых каналах при демонстрации художественных фильмов, внизу была бегущая строка с английским переводом. И когда должны были показать очень интересный фильм, то в отдельных домах собиралось много народа. Потому, что в этом доме или хозяин, или хозяйка могли перевести английские титры.

А так, в основном смотрели, звук выключали все равно ничего не понятно. Мы научились даже составлять примитивную программу передач. Каждый понедельник по всем кана-

лам, но в разное время, диктор делал анонс фильмов, которые будут показывать в течение недели вечером. Показывали кадры из фильма или как сейчас называют, трейлер, мы смотрели, если дрались на кадрах, писали фильм – боевик, если вдруг показывали обнаженную натуру, мы писали эротика. И так аналогично. Кстати все серии знаменитой «Эммануэль» я впервые увидел именно на Курилах. Знаменитые фильмы с участием Брюса Ли, тоже там. Именно там я впервые увидел по телевизору рекламу. Она в течение демонстрации фильма показывалась не более 4-х раз. По времени 1-2 минуты, на разных каналах была разная длительность. Мне повезло. По замене уезжал один из наших офицеров, у которого я купил телевизор и приставку.

Было еще одно развлечение. Эта игра в преферанс. Эта карточная игра. Еще неофициально ее называли офицерской. Очень умная игра, рассчитанная не только на везение, удачную раздачу, но еще и умение правильно распорядиться розданными картами. В этой игре невозможно было блефовать. В этой игре надо было думать постоянно и еще запоминать карты, которые выходили из игры. Играли на реальные деньги. «Вист» был по копейке. Много проиграть было невозможно. Один рубль, максимум полтора. Зато играя на деньги, отбивалась охота у некоторых игроков авантюрно играть и мешать играть другим. Играли в основном ночью. После 10 часов вечера свет отключали в домиках, где жили семьи офицеров. Он подавался от дизелей. Ночью их должны были обслужить, заправить, чтобы в шесть утра снова подключить электричество в дома. Поэтому после 10 вечера, при свечках или лампе «Летучая мышь», мы и играли. Собирались у меня дома, потому что я жил один.

Теперь про историю с печкой. Она и печальная, и поучительная, и даже чуть-чуть смешная. Ровно через год моего жития – бытия в Менделеево, к нам по распределению приехал молодой офицер, выпускник училища с беременной женой. Нам всем стало ясно, что приехал он по великому благу.

Его поселили в пустующую квартиру, в нашем домике, через стенку от меня. Напомню, расположение системы отопления, делало меня, автоматически истопником. Это была не главная проблема для меня. Главный вопрос необходимо было запастись углем и дровами. И то, и другое можно было привезти только по «завозу». Для непосвященных объясню. Курильские острова могли себя обеспечить только морепродуктами в любых формах: живыми, вялеными, в консервных банках. Все остальные виды продуктов завозились с «материка». С материка завозилось жидкое и твердое топливо. Для нас военных завоз был централизованный, естественно за счет средств Министерства обороны и по их нормам. Для этого фрахтовались сухогрузы. Сухогруз с продуктами приходил в бухту, в непосредственной близости от расположения нашей части, бросал якорь. Так как близко к берегу он подойти не мог из-за отсутствия пирса. Поэтому он спускал баржу и выгружал продукты, прямо в океане. Баржа максимально близко подходило к берегу. Все это желательно было делать во время отлива. Потом при помощи троса и трактора на берегу ее вытаскивали на берег. И уже на берегу продукты с баржи выгружали на наши автомобили. Барж было, как правило, две. Потом они ждали, прилива и своим ходом возвращались опять под погрузку к сухогрузу. Периодичность приливов и отливов была примерно 12 часов. Поэтому, пока все положенные для нашего подразделения продукты не были выгружены, сухогруз стоял на якоре, а мы, сменяя друг друга, круглосуточно занимались разгрузкой барж на берегу. По времени это занимало 2-3 суток. Аналогично, только с применением техники происходила разгрузка жидкого и твердого топлива. И, если продукты нам выдавали бесплатно, как продпак. То уголь и дрова нам привозили строго под заказ. Этот заказ делали заблаговременно. Поэтому для всех жителей Курильских островов это был дефицит, приравненный практически к золотым запасам. Система была простая и отработанная годами. Две квартиры, соединённые единой системой отопления, сбрасывались деньгами. И в соответствии с суммой потом привозили уголь и дрова. Обязаловки не было. Дело добровольное. Хочешь, чтобы зимой в квартире было тепло, покупай и топи. Не

хочешь – мерзни. Мой новый сосед, звали его Василий, не захотел сдавать деньги. Все мои аргументы он полностью игнорировал.

– Ты будешь топить себе, и у нас будет тоже тепло, – так он мне отвечал, и добавлял при этом, – ты же трубы обрезать не будешь.

Предприняв последнюю надежду его убедить, я доложил об этом факте нашему командиру. Сергей Владимирович тоже не сумел его убедить. И сам дал мне разрешение на обрезку трубы в соседнюю квартиру. Что я и сделал ножовкой по металлу. Соответственно и угля мне нужно стало в два раза меньше. Дров примерно столько же.

Осенью теплоход привез нам уголь и дрова. При помощи автомобилей нашей части, с берега океана уголь и дрова довели до наших домов. Я уголь поместил в сарай. Попилил и порубил дрова. Уложив часть из них на веранде, остальные тоже в сарай. Сарай, как и двери в наших домиках, не закрывались на замки. Чужих не было и не могло быть. Пограничная, закрытая зона. Да и красть было нечего. У моего соседа была печка, в рабочем состоянии. Ее можно было топить не только для тепла, но и на ней можно было готовить. На такой печке, проживая в военном городке Халино, готовила моя мамочка.

Стало холодать. Обычно придя домой со службы, мы протапливали печку на ночь, батареи нагревались, температура в комнате повышалась. Поэтому дров было нужно много. И только зимой пользовались углем для поддержания огня в печке в дневное и ночное время. В один из дней возвращаясь, домой, я увидел, что из трубы моего соседа шел дым. Дым шел и из дверей. Я побежал бегом, подумал, что может быть пожар. Славу богу его не было. Это Вася пытался растопить печку у себя дома. Его беременная жена сидела на лавочке возле открытой двери, из которой валил дым.

– Ты должен поменяться с нами жильем, – сказал мне приказным тоном Вася, – у нас печка не работает. А у меня жена в положении.

– Даже не мечтай, ответил я ему, – тебя предупреждали о последствиях.

– Вася, а чем ты пытался печь растопить? – спросил я.

– Взял дрова в сарае. Сарай же на 2 квартиры.

– Сарай, да, на 2 квартиры. А дрова мои. Я за них платил деньги. А ты у меня их берешь без спроса, – уже менее миролюбиво сказал я Васе.

– Тебе, что жалко?

– Жалко. Мы тебя предупреждали.

– Ольга, пойдете ко мне в комнату, – обратился я Васиной жене. – Погреемся, я Вас чаем напою.

– Я без Васи не пойду – ответила мне Ольга.

– Вашего супруга я не хочу видеть у себя, – ответил я.

– Тогда и я не пойду, – тихо сказала Ольга и заплакала.

Я не могу терпеть женские и детские слезы.

– Пойдемте вдвоем, – предложил от безысходности я.

У меня в комнате было жарко, батареи прекрасно отдавали тепло. Я накормил их ужином, напоил чаем. Вместе посмотрели японский фильм. За 15 минут до выключения света, я предложил им вернуться к себе. Надо было ложиться спать.

– Но у нас же холодно, – возмутился Вася.

– И что? – спросил я.

– Я не собираюсь спать в одной кровати с твоей женой – пошутил я.

– Давай ты переночуешь в нашей комнате – предложил мне Вася.

Мне очень сильно захотелось ответить ему очень грубо, но присутствие его жены меня сдерживало.

– Вася, ты больше ничего не хочешь? – спросил я.

– Возьми у меня еще дров, отодвинь заслонку в трубе, и я рукой показал на свою заслонку. Затопи печку еще раз и у Вас тоже будет тепло, – больше ничем помочь тебе не могу.

– Правда Вася, пойдем, сказала Оля, – спасибо Вам.

Она поднялась пошла на выход, Вася следом за ней. Это еще был не конец этой истории.

На следующий день после обеда меня к себе вызвал командир. Такое случалось каждый день. И я подумать не мог, что коснется вопроса какой-то печки. Постучав и зайдя в кабинет командира, я доложил по всей форме.

– Проходи, садись, Газарыч, – пригласил меня командир.

– Слушаю Вас, Сергей Владимирович. Когда не было рядом никого, командир разрешал мне называть его по имени и отчеству.

– Сразу скажу я на твоей стороне, но приказ сверху, у лейтенанта Чайки, это была фамилия моего соседа Васи, папа занимает высокий пост в Главкомате ПВО. Чайка дозвонился по радиосвязи до отца и рассказал про печку. Что она вся разбита, дымит и будущий внук мерзнет вместе с его матерью, – вот такие дела.

– За сеанс открытой радиосвязи, – начальник штаба уже получил взыскание, – добавил командир.

Поясню между п. Менделеево, находящимся на острове, не могло быть проводной связи с вышестоящим штабом. Поэтому для связи пользовались только радиосвязью, при этом использовали специальную таблицу кодов и специальных слов. За разговор открытым текстом шло наказание.

– Так в чем дело? – спросил я у командира.

– Зачем ты печку Чайке сломал?

– Я??? Еще вчера она была целая. Он не открыл печную заслонку, естественно тяга отсутствовала, печка задымила.

– Чайка доложил, что ты из-за того, что он взял у тебя два полена, зашел к нему домой и топором сломал печь. Приказано тебя переселить в его квартиру, а его с женой в твою.

– Сергей Владимирович, Вы, что верите в этот бред? – спросил возмущенно я. – Я вчера накормил их, напоил чаем, согрел. Не оставлять же их ночевать у себя.

– Я тебе верю, но приказ надо выполнить. Возьми солдат и перенеси свои вещи. Я тебя прошу.

– Может мне ему еще свой уголь и дрова отдать? – уже на повышенных тонах возмущался я.

– Этого я тебе приказать не могу. Ты их покупал за свои деньги. Это твои личные вещи.

– Хорошо, Сергей Владимирович, – только из-за уважения к Вам я выполню приказ.

Придя, с выделенными мне солдатами, в квартиру Чайки, я на кухне, где стояла печка, увидел огромный кусок, отбитый видимо топором. Посредине кухни стояла Ольга с опущенной головой. Хоть ей стыдно за поступки своего мужа, подумал я.

Вася начал отдавать распоряжения солдатам, что выносить. Они стояли.

– Что стоите столбами, берите вещи и несите, – заорал Чайка.

– Нас, товарищ лейтенант, передали в распоряжение, Газарыча, – ответил Васе, один из солдат рядовой Курнов, ему оставалось служить всего полгода, поэтому он не побоялся, сказать это Чайке.

– Чего, да я тебя... – начал кричать Вася.

– Успокойся, Вася, – вступил я в их перепалку.

– Ребятки, берите вещи и несите в мою квартиру, в бывшую мою квартиру, уточнил я.

Вещи перенесли очень быстро, потому, что их было мало.

Я понял, что в одиночку печку не смогу отремонтировать. Пошел к нашему старшине прапорщику Федору Фурману, который мог все. Выслушав мою просьбу, Федор меня успокоил, что за субботу все сделает. И печка будет работать еще лучше. Суббота была через день. Мне

пришлось ночевать в казарме, там всегда было тепло. Потому, что у казармы для солдат была своя отдельная котельная, которую топили по мере необходимости в любое время года.

Вполне естественно, что эти дни я печкой не пользовался, а когда она высохла и Федор – «печник» предложил сделать пробную топку, чтобы проверить, не идет ли откуда дым. Я пошел в сарай, где хранился уголь и дрова и обнаружил, что мой уголек потихоньку уменьшается, вместе с дровами. У меня не было сомнений, что моим углем и снова без разрешения, пользуется лейтенант Вася.

– Зайдя с охапкой дров, уже в другую свою комнату, я спросил:

– Федор, у тебя нет случайно лишнего висячего замка?

– А тебе зачем? – спросил Федор.

– На сарай повесить, – ответил я.

– На сарай? – Тебе что делать нечего, тебя же засмеют ребята, у нас же это не принято, – удивился старшина.

– Ребята меня поймут. Мои дрова берет Чайка. Ты же помнишь эту историю с его отказом покупать уголь и дрова. Эту историю, знали не только в нашей части, но и в нашем поселке, потому, что это был первый случай, когда житель поселка отказывался от угля и дров. Не было ни одного человека, который бы его поддержал.

– Что ворует? – удивился Федор.

– По сути, получается так.

– Найду я тебе замок, не волнуйся, – пообещал Федор. А я решил еще раз, причем в присутствии нашего замполита Василия Ивановича, поговорить с лейтенантом Васей.

Вечером делегация в составе: замполита, председателя женсовета Валентины Дулькене, ее пригласил замполит, секретаря комсомольской организации прапорщика Кузнецова Игоря, прибыла ко мне во вновь заселенную квартиру. Осмотрели, что печка отремонтирована, что у меня дома очень тепло и только после этого, Василий Иванович очень строгим голосом, скорее для порядка, обратился ко мне:

– Владимир Газарыч, ты идешь с нами, веди себя спокойно и уравновешено. Обойдя дом, мы пришли к Чайке. Его супруга была укутана в теплый платок. В квартире было реально холодно. Доступ к углю и дровам был мной перекрыт. Я обратил внимание, что все вещи были до сих пор разбросаны и не расставлены.

– Мы пришли, – начал Василий Иванович, чтобы изучить обстановку, в которой вы проживаете. Какие у Вас трудности, чем Вам нужно помочь?

– У нас холодно, а у меня жена в положение, – затянул свою песню Вася.

– А почему бы тебе печку не растопить? – спросила Валентина.

– У нас нет дров и угля, – раздраженно сказал Вася, – а он, показав на меня рукой, замок повесил, где хранится уголь и дрова. А сарай у нас общий.

– Газарыч, а зачем ты замок повесил на сарай? – спросил с улыбкой меня Василий Иванович.

– Потому, что лейтенант без спроса берет мой уголь и дрова, за которые я заплатил свои деньги, а он отказался его покупать. Его предупреждали все.

– Я могу заплатить деньги за уголь, – закричал лейтенант Вася.

– А я зимой печку буду деньгами, потом топить, – ответил я.

– А он ведь прав, Василий, – проговорил замполит. – Что будем делать? Этот вопрос был задан никому конкретно, но получалось, что мне.

– Ни дров, ни угля я ему не дам, – твердо и уверенно сказал я. – Если потребуете открыть сарай, я весь уголь и дрова перенесу к себе на веранду. Если хотите, отдайте свой.

– Я свой не дам, – тут же ответил прапорщик Кузнецов.

– У нас тоже лишнего нет, – вторила председатель женсовета.

– Что же нам делать, – прошептала и опять заплакала жена Чайки.

Тут же замполит и Валентина подошли к ней и стали успокаивать. Наговорили столько, получалось с их обещаний, что практически чуть ли не завтра специальным рейсом, специально для лейтенанта Чайки сухогруз доставит отборный антрацит. Не буду описывать весь разговор, смыслом которого был мой уголь и мои дрова. Все закончилось тем, что я обратился к жене лейтенанта.

– Ольга я поговорю с ребятами, думаю, поделятся и без денег дадут уголька и дровишек. А Вы накрываете «поляну».

– А что такое «поляна»? – спросила, перестав плакать Ольга.

– Это стол с закуской и выпивкой, – ответила за меня Валентина.

– Хорошо, я согласна, – утвердительно сказала супруга лейтенанта.

Весь следующий день я лично подошел ко всем офицерам и прапорщикам, с просьбой помочь молодой девушке в положении, у которой избалованный муж не дружит с головой. Никто не отказал, большинство отказалось даже от рюмки. И уже вечером со всех домов, от всех сараев понесли семье Чайки уголь и дрова. Сгружали все у него на веранде. Так он распорядился сам. Видимо подумал, что я могу пользоваться принесенным ему углем. Получилось довольно много. Если правильно топить, то до весны можно было продержаться.

Когда меня ребята спросили насчет «поляны», я же им обещал, я постучал в дверь к соседям, выскочил Вася, сам, лично.

– Ничего я Вам алкаши не буду наливать, не обязан, – заорал лейтенант. Я ничего не стал говорить и ни о чем напоминать. Пригласил ребят к себе, открыл пару банок говяжьей тушенки, банку гребешков, порезал валяной горбуши, наложил целую вазу красной икры, порезал хлеба. Достал бутылку спирта, купленную в Южно-Курильске, и отблагодарил своих коллег за их доброту. Через месяц после этих событий в пограничный отряд прилетела комиссия на Ил-14. И Ольга улетела вместе с этим бортом в Южно-Сахалинск. А с Васей никто не здоровался и не приглашал его в гости. Но даже в этой моральной изоляции он был спокоен и не мучился совестью. Он твердо знал, что через год, его папа переведет на другую должность, поближе к цивилизации. И плевать он хотел на всех нас.

Помните в замечательной кинокомедии «Любовь и голуби» на ночном курортном небе звезды написали: «Эх, Вася, Вася!» он был единственный такой молодой, но гадкий. Остальные были замечательные, добрые, отзывчивые офицеры, люди, товарищи, братья по оружию. Все главные праздники мы отмечали все вместе. Готовили сценарий, репетировали номера художественной самодеятельности, придумывали конкурсы, самостоятельно готовили и призы. При этом при подготовке никого не надо было уговаривать. Потому, что всем нравилось не только выпить и закусить, но и хорошо отдохнуть, повеселиться. Про два таких, выражаясь казённым языком, мероприятия, я хочу рассказать. Но предварительно опишу некоторые события, которые могли изменить всю мою дальнейшую жизнь. Напомню на о. Кунашир я приехал в августе 1994 года. В один из дней после обеденного перерыва, а очень часто перерыв на обед мы использовали для продолжения игры в преферанс. 10-15 минут на прием пищи и потом игра. Играли, как правило, у меня. Обед у нас по распорядку был 2 часа. Так вот после перерыва вместе с Серегой Барабановым, штурманом пункта наведения истребителей, который находился при нашем батальоне, шли в сторону КП. Серега шел к своему коллеге, что бы сразиться в нарды. Это была вторая по полярности игра, после преферанса. А я шел в казарму, где находился мой персональный кабинет. Кабинет, конечно громко сказано. Это была комнатка, в которой едва помещался одно тумбовый, видавший виды, письменный стол. На задней стенке были сделанные, «дембелями», полки на которых у меня лежала разнообразная наглядная агитация, документация, подшивки журналов. Под полками стоял металлический ящик. В котором, я хранил, печать, протоколы и взносы. Рядом с дверью были крючки для верхней одежды.

Во время нашего передвижения нам встретилась женщина, за ручку с маленькой очаровательной девочкой. Ранее я эту женщину в нашем военном городке не видел. Она была

стройна, в глаза бросалась ее высокая грудь, которая была неподвижна, во время ходьбы, светлые волосы были аккуратно уложены в прическу, темные очки с большими линзами, в оригинальной оправе, закрывали основную часть лица, длина платья была чуть выше ее колен, показывая всю красоту и стройность ног, на ногах были туфли на каблуках, что ее сразу выделяло от других женщин – жен наших офицеров, ходивших в резиновых сапогах или тапочках. Я в своей жизни на тот момент, не встречал более красивой и очаровательной женщины. Самое притягательное, в ней была улыбка – лучистая, теплая, привлекательная. Я невольно, когда, она с девочкой прошла мимо нас, повернул голову и засмотрелся.

– Володя, ничего не выйдет, – сказал мне Серега, – она замужем, работает в нашем гражданском аэропорту. Почти все мужики в поселке по ней с ума сходят. У них отличная семья.

– А, что она у нас делает – спросил я.

– Готовит детей к линейке 1 сентября. Она у нас главный организатор по подготовке праздничных мероприятий.

Через два дня я сидел в своей комнате-кабинете, занимаясь очередным планированием мероприятий по воспитанию и развлечению. В дверь постучали, вошел дневальный по роте.

– Товарищ старший лейтенант, к Вам пришли – доложил он мне.

– Кто?

– Женщина, я ее не знаю. Просит Вас выйти к входу казармы.

Я был заинтригован. Готов был увидеть кого угодно, но я увидел женщину, с очаровательной улыбкой, внештатный массовик-затейник.

– Здравия желаю, – поприветствовал я ее.

– Добрый день, ответила она и улыбнулась. – Меня зовут Светлана. Сергей Владимирович, Ваш командир, сказал, что Вы будите помогать мне с подготовкой детей к 1 сентября.

– Я??? Я не воспитатель детского сада. С детьми работать не обучен. У меня детишки чуть постарше 18-25 лет.

– Но, Вы же умеете играть на баяне, уверенно, как будто изучила всю мою биографию, ответила мне Светлана, продолжая улыбаться.

– Умею. Только я никогда никому не сопровождал. Я иногда, в кругу своих друзей, подыгрываю себе, когда пою, предварительно выпив пару рюмок. А в голове моей возник мгновенно вопрос:

– Откуда мой командир знает о моем музыкальном образовании? В моем личном деле этой информации не было. И я вспомнил наш разговор, который произошел в командирской машине, при первой нашей встрече.

– Владимир Газарович, а чем ты увлекаешься, – спросил меня командир по дороге в нашу часть.

– Люблю спорт, футбол, люблю играть в преферанс, обожаю танцы. ...

– Современные? – перебил меня командир.

– Все. В школе я занимался бальными танцами. А еще окончил музыкальную школу по классу баян.

– Молодец, командир, запомнил – подумал я про себя.

Я уже готов был согласиться, без всяких предварительных условий. Я смотрел в глаза Светлане, они были как два прекрасных озера, тихие, спокойные, яркие с неповторимым лазурным цветом, если бы в этот момент она попросила бы меня прыгнуть в их глубину, я это, сделал бы, не задумываясь, хотя плавать не умею. Светлана, продолжая улыбаться, тихо, добродушно сказала:

– Я так давно Вас ждала.

– Меня? – удивленно переспросил я.

– Не конкретно, Вас – Володя, можно я буду Вас так называть?

– А кого? Конечно... Нет, т.е. да... Называйте. Я не против, – бормотал я, Светлана ... как по отчеству?

– Васильевна, – задорно засмеялась она. Зовите меня просто Света. Договорились? Я ждала человека, который бы мне помогал в подготовке, таких мероприятий. Приезжали и уезжали много, а играть на музыкальных инструментах никто не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.